

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

VESTNIK.MGGEU.RU

ISSN 2412-8139

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 3 (47) 2021

SCIENTIFIC PEER REVIEWED JOURNAL

HUMAN. SOCIETY. INCLUSION

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 3(47)
2021**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(47) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	С.А. Бобко
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор технических наук, профессор	Т.В. Истомина
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, доцент	С.Н. Толстикова
	доктор психологических наук, профессор	С.П. Поляков
Социологические науки 22.00.00	кандидат социологических наук, профессор	С.Н. Лещинская
Филологические науки 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
	кандидат филологических наук, доцент	А.А. Устиновская
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
	кандидат философских наук, доцент	Е.А. Воронцов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	В.А. Муталимов
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	А.Н. Никитин
	кандидат юридических наук, доцент	Г.В. Мартянова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Human. Society. Inclusion

Issue 3(47) 2021

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor	
Bobko S.A.	Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor	
Scientific Research Areas:		
13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Istomina T.V.	Doctor of технических наук, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D. Sudorgin O.A.	Doctor of Sociology, Professor Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N. Polyakov S.P.	Doctor of Psychology, Professor Doctor of Psychology, Professor
22.00.00 Sociology	Leshchinskaya S.N.	Candidate of Sociology, Professor
10.00.00 Philology	Dzhabrailova V.S. Ustinovskaya A.A.	Candidate of Philology, Associate Professor Candidate of Philology, Associate, Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V. Vorontsov E.A.	Doctor of Philosophy, Professor Candidate of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N. Mytalimov V.A.	Doctor of Economics, Professor Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikitin A.N. Martyanova G.V.	Doctor of Legal Science, Professor Candidate of Legal Science, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Дунин, Е.А. Клеймёнов, Е.В. Чепиков

Профессиональное обучение в образовательной организации МВД России:
социологический анализ 10

Н.А. Вишнякова, О.Н. Курмышкина

Распорстраненность наркомании: субъективные оценки населения
региона 26

С.М. Захаров

Разрушение анонимности: региональная безопасность 32

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Воронцов

Демаркация научных и ненаучных знаний в свете классической
философской мысли 39

Н.А. Смирнов, В.Ю. Юринов

Феноменология чуда в работе А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» 48

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.А. Аймалетдинова

Антропонимическая формула в турецкой традиции 57

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д.А. Абдурасулов

Формирование жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза 63

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.Н. Довнар

О целесообразности создания российского суда по правам человека:
обзор заседания круглого стола в общественной палате Российской
Федерации 71

К сведению авторов 84

Contents

SOCIAL SCIENCE

Dunin V.S., Kleymenov Y.A., Chepikov Y.V.

Professional training in the educational organization of the mia of Russia:
status and prospects 10

Vishnyakova N.A., Kurmyshkina O.N.

Prevalence of drug addiction: subjective estimates of the population
in the region 26

Zakharov S.M.

The destruction of anonymity: regional security 32

PHILOSOPHY SCIENCE

Vorontsov E.A.

Demarcation of scientific and non-scientific knowledge in the light of classical
philosophical thought 39

Smirnov N.A., Yurinov V.Y.

Phenomenology of a miracle in A.F. Losev's work «Dyalectics of myth» 48

PHILOLOGY

Aimaletdinova I.A.

Anthroponymic formula in the turkish tradition 57

PSYCHOLOGY

Abdurasulov D.A.

Formation of life skills among students of an inclusive university 63

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Dovnar A.N.

On the feasibility of establishing a russian human rights court: overview
of the roundtable meeting at the public chamber of the Russian Federation 71

For the Attention of Authors 84

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Дунин, Е.А. Клеймёнов, Е.В. Чепиков

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

PROFESSIONAL TRAINING IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MIA OF RUSSIA: STATUS AND PROSPECTS

ДУНИН Вадим Сергеевич — кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: dvs@mail.ru)

КЛЕЙМЁНОВ Евгений Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: yevgeni-k1@yandex.ru)

ЧЕПИКОВ Евгений Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: chepikov_ev@mail.ru)

DUNIN Vadim Sergeevich — Candidate of Technics, Deputy Head of the chair of information and technical support of the bodies of internal affairs of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: dvs_82@mail.ru)

KLEYMENOV Yevgeniy Alekseevich — Candidate of Sociology, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: yevgeni-k1@yandex.ru)

CHEPIKOV Yevgeniy Valerievich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: chepikov_ev@mail.ru)

***Аннотация.** Безопасность нашего общества, состояние защищённости граждан от противоправных посягательств существенным образом предопределена уровнем профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Степень социологического осмысления состояния такого обучения сегодня невелика. Статья написана в целях социологического изучения условий реализации профессионального обучения в образовательной организации высшего образования МВД России. Эмпирическую основу исследования составили проведенные авторами качественные и количественные опросы преподавателей и слушателей Дальневосточного юридического института МВД России. В социологическом измерении проанализированы составляющие профессионального обучения, реализуемого в данной образовательной организации: качество учебных занятий, организация учебного процесса, его материально-техническое обеспечение, атмосфера межличностных отношений. Исследование позволило выделить преимущества указанных аспектов*

профессионального обучения, обозначить их отдельные стороны, требующие совершенствования.

Ключевые слова: профессиональное обучение, Дальневосточный юридический институт МВД России, оценки преподавателей и обучающихся

Abstract. *The security of our society, the state of protection of citizens from unlawful encroachments is essentially predetermined by the level of professional training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The degree of sociological understanding of the state of such education today is small. The article was written for the purpose of sociological study of the conditions for the implementation of vocational training in the educational organization of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The empirical basis of the study was the qualitative and quantitative surveys of teachers and students of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia conducted by the authors. In the sociological dimension, the components of vocational training implemented in a given educational organization are analyzed: the quality of training sessions, the organization of the educational process, its material and technical support, the atmosphere of interpersonal relations. The study made it possible to highlight the advantages of these aspects of vocational training, to identify their individual aspects that require improvement.*

Keywords: *vocational training, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, assessments of teachers and students*

Актуальность исследования. Безопасность нашего общества, состояние защищённости граждан от противоправных посягательств существенным образом предопределена уровнем профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов России. Одно из центральных мест в системе таких структур занимают органы внутренних дел Российской Федерации (далее также — «ОВД»).

Особую значимость для формирования кадрового состава ОВД сегодня имеет профессиональное обучение, под которым в настоящей статье мы будем понимать обучение лиц, впервые принятых на службу в ОВД, по образовательным программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» в целях приобретения ими основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенции, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (далее также — «профобучение»)¹.

Это обусловлено тем, что ОВД в настоящее время в количественном отношении преимущественно пополняются не за счет сотрудников, получивших высшее или среднее профессиональное образование в образовательных организациях МВД России высшего образования (далее также — «вузы МВД России») в рамках очной формы обучения, а за счет лиц, являющихся выпускниками «гражданских» образовательных организаций, которые перед полноценным допуском к исполнению служебных обязанностей сотрудников ОВД проходят профессиональное обучение в соответствующих образовательных структурах МВД России².

¹ См.: пункт 10 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 05.05.2018 № 275 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

² Так, например, в Ростовском юридическом институте МВД России в 2020 году число выпускников, проходивших обучение по очной форме обучения по программам

Данное обстоятельство, прежде всего, актуализирует научный анализ состояния и перспектив развития профобучения в вузах МВД России, однако не только одно оно. Профобучение имеет свои особенности в сравнении с обучением по программам высшего образования. К наиболее значимым из которых относятся осознание слушателями практической значимости приобретаемых на занятиях умений и навыков для их будущей работы по специальности; моделирование на занятиях практических действий, максимально приближенных к предстоящей деятельности специалистов; создание на занятиях внутренней психологической напряженности, соответствующей реальной деятельности специалистов в практических органах [3, с. 70]. Наличие таких особенностей также диктует необходимость научного осмысления и совершенствования профобучения.

Вместе с тем научные изыскания в области исследования профобучения в вузах МВД России, в открытых источниках в гораздо меньшей степени представлены нежели исследования вопросов получения высшего образования в вузах МВД России. При этом в большинстве тех работ, в которых все же освещается профобучение в данных образовательных учреждениях авторы преимущественно концентрируются на психолого-педагогических [4; 5; 6; 8] или организационно-правовых аспектах [7; 9] такого обучения¹. Комплексного социологического анализа профессионального обучения в вузах МВД России в них не представлено.

В связи с изложенным нами была поставлена **цель** — изучить условия реализации профессионального обучения в образовательной организации высшего образования МВД России в социологическом измерении. В качестве объекта исследования нами были определены слушатели и профессорско-преподава-

высшего образования составило 125 человек, тогда как число слушателей, прошедших в 2020 году профессиональное обучение составило 529 (Отчет о результатах самообследования федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс], Сайт РЮИ МВД России, режим доступа: file:///C:/Users/1/Downloads/Otchet_o_rezulytatah_samoobsledovaniya_FGKOU_VO_RYUuI_MVD_Rossii_za_2020.pdf), в Сибирском юридическом институте МВД России в 2020 году число выпускников, проходивших обучение по очной форме обучения по программам высшего образования составило 100, тогда как число лиц, прошедших в 2020 году профессиональное обучение составило 1736 (Отчет о самообследовании за 2020 год // [Электронный ресурс], Сайт СибЮИ МВД России, режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1528/document_file/samoobsledovanie/Samoobsledovanie_2020.pdf).

¹ Психолого-педагогические факторы эффективности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, впервые принятых на службу // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 218–222. Рыльщикова Д.Ю., Литвин Д.В. К проблеме физической готовности лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4. С. 198–202. Украинский С.В., Власенко Е.Е. Самостоятельная подготовка: проблемные вопросы в период прохождения первоначального обучения по профессии «Полицейский» в образовательных организациях МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3. С. 194–197. Красилов О.В., Мананников С.В., Балакин Ю.П., Веденеева Е.Л. О некоторых особенностях первоначальной профессиональной подготовки женщин-сотрудниц ОВД при обучении в образовательных организациях системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 409–412.

тельский состав (далее также — «ППС», «преподаватели») факультета профессиональной подготовки (далее также — «факультет») Дальневосточного юридического института МВД России (далее также — «Институт», «ДВЮИ МВД России»).

Эмпирическую основу исследования составили проведенные авторами в 2020-м и 2021-м году качественные опросы слушателей, завершающих на момент проведения таких опросов обучение на факультете (два фокус-групповых интервью, $n = 16$, 2020; 5 личных интервью, 2021, 4 фокус-групповых интервью, $n = 23$, 2021), два фокус-групповых интервью преподавателей ($n = 8$, 2021), а также количественные опросы преподавателей ($n = 23$, 2021) и слушателей ($n = 71$, 2021) с использованием выборки основного массива.

Анализ результатов проведенных исследований показал, что качество профобучения в Институте оценивается как ППС, так и слушателями достаточно высоко: абсолютное большинство убеждено в том, что оно заслуживает оценок «очень хорошо» или «хорошо» (табл. 1).

Таблица 1

Оценки качества профобучения ППС и слушателями по шкале от 1 до 5, где 1 – очень плохо, 2 – плохо, 3 – удовлетворительно, 4 – хорошо, 5 – очень хорошо, 30 – затрудняюсь ответить

	5	4	3	2	1	30
ППС	43,5	30,4	13,0	-	-	13,0
Слушатели	40,8	40,8	14,1	2,8	1,4	-

В связи с этим неслучайно, что и ППС (95,7%) и слушатели (93,0%) солидарны во мнении о том, что профобучение позволяет приобрести основные профессиональные знания, умения и навыки, необходимые для выполнения служебных обязанностей сотрудника органов внутренних дел, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Более того, большинство ППС согласилось с тем, что качество профессионального обучения имеет тенденцию к улучшению (табл. 2).

Из чего могут складываться столь высокие оценки профобучения? Во-первых, на наш взгляд, из качества проводимых занятий. Абсолютное большинство слушателей удовлетворены тем, как проходят учебные занятия на факультете. При этом в наибольшей степени обучающиеся выразили удовлетворение по поводу занятий по огневой и физической подготовке, первой помощи (табл. 3).

Таблица 2

Результаты ответов ППС на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилось качество подготовки слушателей на факультете за последние 2–4 года?» (%)

1. Вариант ответа	%
2. Повысилось	26,1
3. Скорее повысилось, чем понизилось	30,4
4. Не изменилось	17,4
5. Скорее понизилось, чем повысилось	4,3
6. Понизилось	0,0
7. Затрудняюсь ответить	21,7

**Удовлетворенность слушателей преподаванием
отдельных дисциплин (групп дисциплин) на факультете (в %)**

	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	Полностью не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Общеправовые дисциплины (уголовное право, уголовный процесс, административное право, актуальные проблемы отдельных отраслей права и т.д.)	60,6	29,6	4,2	1,4	4,2
Специальные дисциплины (специальная техника, криминалистика, организация безопасности дорожного движения и т.д.)	69,0	23,9	2,8	1,4	2,8
Огневая подготовка	80,3	14,1	1,4	2,8	1,4
Физическая подготовка	74,6	21,1	-	2,8	1,4
Первая помощь	77,5	15,5	-	1,4	5,6

В чем причина того, что именно эти дисциплины удостоились более высоких характеристик. Результаты исследования дают основания полагать, что возможная причина кроется в их меньшей теоретической направленности, в выражен-

Рис. 1. Оценки слушателями семинаров, практических и лекционных занятий, проводимых на факультете (в %)

ном прикладном характере, не требующем освоения значительных пластов лекционного материала. Справедливость данного вывода усматривается в характеристиках слушателей различных форм занятий: семинарские и практические занятия в коллективном сознании слушателей выглядят более предпочтительно в сравнении с уровнем проведения занятий лекционных (рис. 1).

О сложностях в подаче лекционного материала свидетельствуют и материалы качественных опросов. Так, в фокус-групповых интервью некоторые слушатели **иллюстрируют причины менее выразительного проведения лекционных занятий в сравнении с семинарами и занятиями практическими, показывают недостаточно высокий методический уровень проведения лекционных занятий**: «*есть преподаватели, которые действительно знают и любят свой предмет, а есть те, которые пришли с лекцией, и у нас просто техника письма*», «*надо, чтобы преподаватели работали с аудиторией, а не просто читали*», «*кто-то рассказывает, показывает, работает с аудиторией, пытается научить, а кто-то так не старается*».

Несмотря на подобные мнения, в целом профессионализм, компетентность ППС, ведущих занятия на факультете, оцениваются слушателями весьма положительно: 56,3% — на «очень хорошо», 29,6% — на «хорошо», 7% — на «удовлетворительно» и только 2,8% — на «неудовлетворительно».

Отдельные слагаемые профессионализма, компетентности ППС факультета также воспринимаются слушателями достаточно высоко. Особенно выделяются среди них речевые навыки педагогов, доброжелательность и тактичность во взаимодействии с обучаемыми, уровень теоретической подготовки ППС (рис. 2).

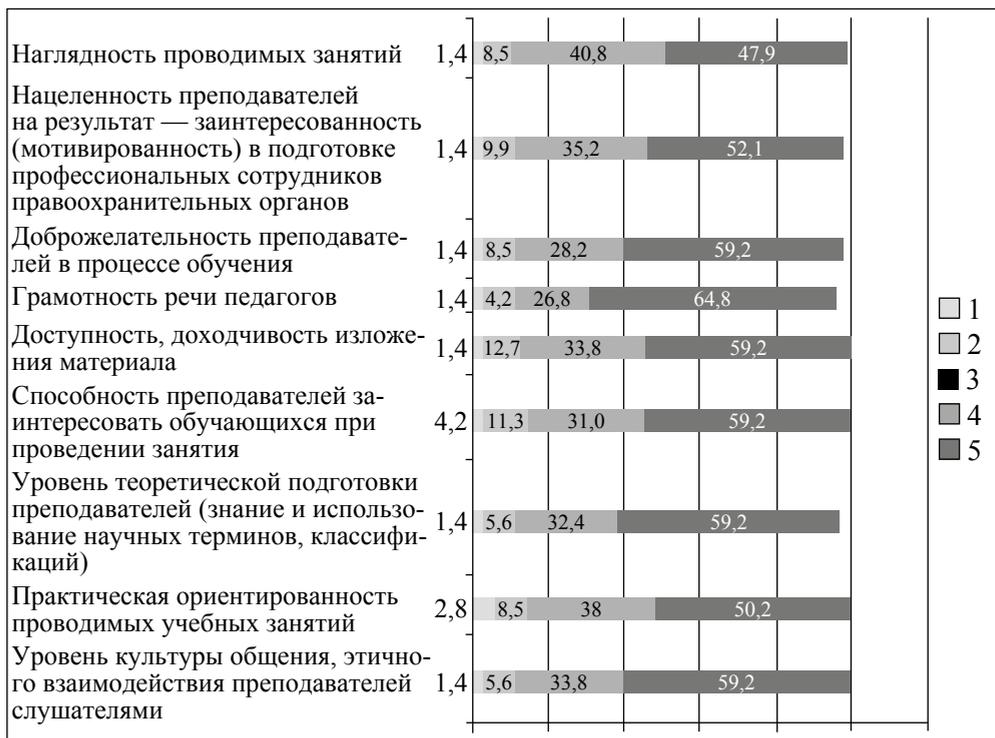

Рис. 2. Оценки слушателями отдельных сторон профессионализма, компетентности ППС при проведении занятий по шкале от 2 до 5, где 2 – плохо, 3 – удовлетворительно, 4 – хорошо, 5 – очень хорошо, а 30 – затрудняюсь ответить (в %)

Кроме того, более половины опрошенных, как следует из рисунка, в качестве преимущества в занятиях, проводимых ППС, обнаруживают их практическую ориентированность. О принципиальной **значимости практической составляющей для профессионального обучения в структуре компетенций ППС свидетельствуют и результаты качественных исследований**: *«Есть преимущество, что ряд преподавателей осуществляли свою деятельность на практике, у них есть практический опыт за плечами и они доходчиво, в ясной форме выдают ту информацию, с которой им приходилось работать», «У меня все здорово, мне всё нравится, я бы осталась еще на полгода, взяла бы все от преподавателей практиков», «все преподаватели — они одновременно и практики и теоретики — дают не только сухую теорию, но и навыки по её применению», «Преподаватели, которые работают здесь, имеют большой практический опыт».* Такие суждения далеко не случайны, так как имеют объективные, статистические основания, отражающие структуру кадрового состава профильных кафедр, задействованных в проведении занятий на факультете: 86,5% сотрудников данных кафедр, имеют опыт службы в территориальных («практических») органах МВД России.

О включении практической составляющей в учебные занятия сообщают и сами ППС в том числе в форме **посещения различных подразделений ОВД, организаций и учреждений, приглашения сотрудников правоохранительных органов на учебные занятия**: *«посещаем УТ МВД России по ДФО, дежурные части транспортной полиции, дежурную часть на Тимирязева, подразделения Росгвардии, миграцию на Ким-Ю-Чена, морг», «До covid мы выезжали в суды общей юрисдикции для участия в судебных заседаниях к нам приходят сотрудники прокуратуры на занятия», «мы взаимодействуем с отделом профессиональной подготовки края и со спецназом ГРОМ УМВД России по Хабаровскому краю. Недавно конференция была, мы с удовольствием приехали и пообщались», «мы организуем выезды в подразделения ГИБДД, ППС, ЭКЦ. Больше времени уделяем ГИБДД. Также ездим на полигон».*

Слушатели, отмечая педагогический профессионализм ППС в целом, выделяют занятия **по отдельным дисциплинам** (*«у нас появилась физическая подготовка, мы всё равно стали активнее, быстрее, подтянутее», «огневая подготовка была замечательная, на самом деле»*), **педагогические приемы отдельных преподавателей** (*«Делает упор на всю группу мышц, нам это очень нравится, его методика преподавания. Детально объясняет приёмы», «Отмечу преподавателя ...она дала мне много полезного по моему направлению. Она хоть и не из ПДН, но ее грамотность, отношение к людям понравилось. Она рассуждает, дает со всех сторон посмотреть на ситуацию», «Есть один преподаватель-практик, который достаточно даёт нам, объясняет всё», «преподаватель физической подготовки хорошо разделит материал, так чтобы все его усвоили», «каждый преподаватель должен уметь донести свои знания до слушателей. Такие преподаватели здесь есть»*), **их мотивацию** (*«По актуальным вопросам, все преподаватели вкладывают душу», «Преподаватели по максимуму выкладываются, они стараются нам выдать всё, но всё выдать невозможно»*).

Собственный профессионализм рассматривается ППС также в качестве базисного условия для надлежащего исполнения служебных обязанностей, центральной из которых является проведение учебных занятий (табл. 3).

Результаты ответов ППС на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, помогает Вам качественно проводить учебные занятия?» (в %)*

Вариант ответа	%
1. Собственный профессиональный уровень	56,5
2. Четкость и доступность правовых актов, регламентирующих выполнение служебных обязанностей	43,5
3. Достаточная штатная численность кафедры	30,4
4. Понимание и поддержка со стороны руководства кафедры	30,4
5. Благоприятный морально-психологический климат на кафедре	30,4
6. Достаточная материально-техническая обеспеченность учебного процесса	26,1
7. Справедливое распределение служебных обязанностей по кафедре	17,4
8. Достаточный уровень социальной защиты (медицинская помощь, жилищное обеспечение, санаторно-курортное лечение)	4,3
9. Достаточное денежное содержание	4,3
10. Затрудняюсь ответить	8,7

* Сумма ответов превышает 100%, поскольку по условиям опроса можно было выбрать несколько ответов

Еще одним фактором, предопределяющим положительное восприятие качества обучения в коллективном сознании слушателей, стала организация учебного процесса.

Так, абсолютное большинство опрошенных слушателей удовлетворены возможностью получения консультаций у ППС: 53,7% опрошенных оценивают такую возможность как «очень хорошо», еще 40,7% — как «хорошо».

Отдельные ППС в качестве преимущества в организации профессионального обучения в институте указывают на наличие в его структуре **специализированных кафедр, преподаватели которых ведут занятия исключительно для слушателей, проходящих профессиональное обучение**: «у нас выделены отдельные кафедры, которые профессиональную подготовку обеспечивают. Это, мне кажется, плюс. ... к нам из Красноярска приезжали на научную конференцию и в рамках обмена опытом сообщили, что у них специализированных кафедр нет... кафедра огневой подготовки и курсантов учит, и слушателей первоначальной подготовки». Это, по мнению некоторых ППС, позволяет не только сосредоточиться на ведении работе с определенной категорией обучающихся, но и оптимизировать затраты ППС на перемещение между **различными подразделениями образовательной организации МВД России, территориально размещенных в разных местах**: «рассказывают, что обычно территориально факультеты профессиональной подготовки в других вузах МВД находятся вдали от основного здания, и преподаватель тут две пары провел, а ему еще нужно и на факультете провести занятия..., и на третью и четвертую пару он несется куда-нибудь загород, в другое место дислокации, конечно, это тяжело».

Говоря об организации учебного процесса, следует также затронуть вопрос достаточности времени для освоения соответствующих программ профобучения. Большинство слушателей (55,0%) отмечают, что времени для обучения по таким программам отведено достаточно. Более того, каждый четвертый опрошенный сообщил, что времени отведено с избытком — можно учиться

меньше, и только каждый десятый опрошенный указал на то, что ему не хватило времени для обучения.

Со слушателями солидарны и большинство опрошенных преподавателей: 82,6% полагают, что времени для приобретения основных знаний, навыков и умений по профессии «полицейский» в рамках обучения на факультете отведено достаточно (78,3%) или с избытком (4,3%).

В наибольшей степени опрошенные слушатели ощущают дефицит занятий по огневой (каждый пятый опрошенный) и физической подготовке (15,5%), в наименьшей — занятий по общеправовым дисциплинам (рис. 3).

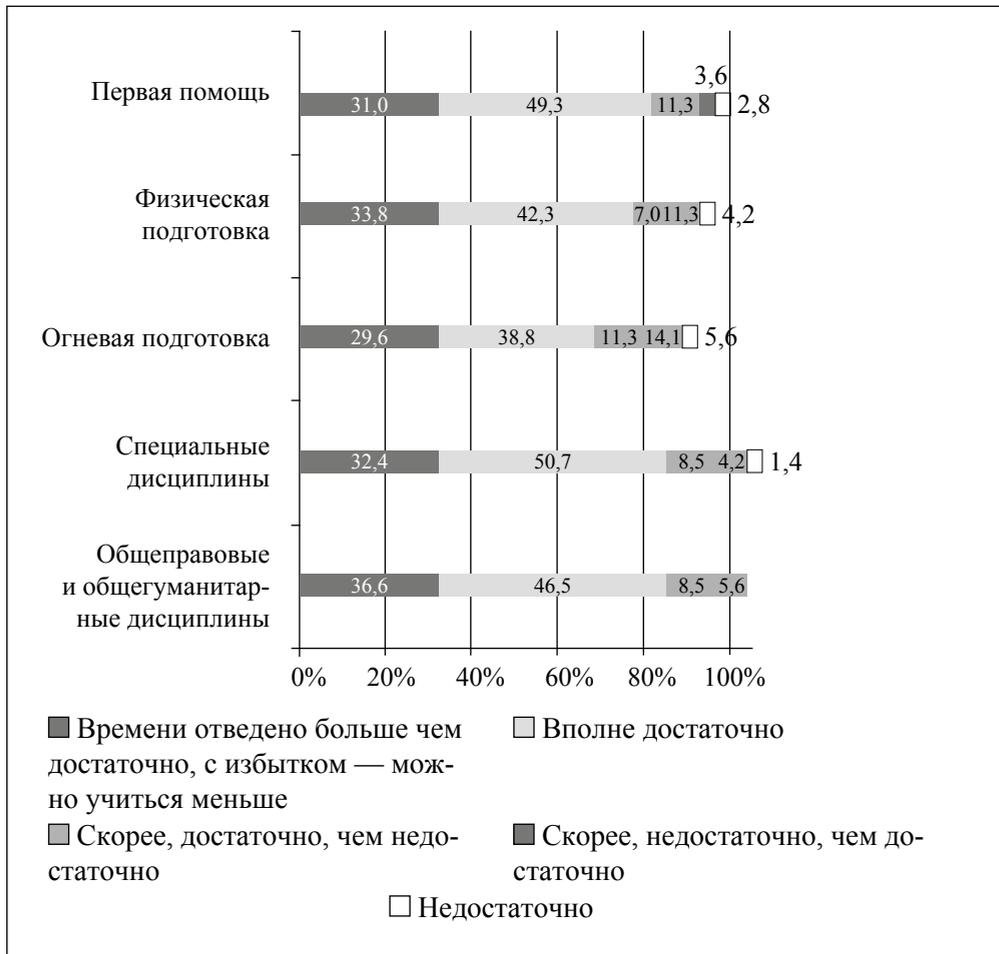

Рис. 3. Оценки слушателями остаточности отведенного времени для освоения отдельных дисциплин (групп дисциплин) (в %)

При этом построение таблиц сопряженности показало, что в наибольшей мере запрос на увеличение объема часов по обозначенным дисциплинам (группам дисциплин) закономерно возрастает с уменьшением уровня образования опрошенных слушателей: в наименьшей степени он выражен у слушателей с высшим юридическим образованием, в наибольшей — у слушателей, проходящих обучение по программам подготовки рядового и среднего начальствующего составов (слушатели без высшего образования).

Подтвердим справедливость данного вывода иллюстрацией оценок достаточности отведенного времени для освоения общеправовых и общегуманитарных дисциплин различными категориями опрошенных (рис. 4).

Как видим, каждый пятый опрошенный из групп рядового и младшего начальствующего состава отметил недостаточность такого времени, при этом никто не указал на его избыточность. В то же самое время среди слушателей с высшим юридическим образованием об избыточности времени для освоения

Рис. 4. Оценки слушателями различных категорий достаточности отведенного времени для освоения общеправовых и общегуманитарных дисциплин

общеправовых и общегуманитарных дисциплин сообщило большинство опрошенных, и никто не указал на его недостаточность.

О недостаточности времени для освоения **отдельных дисциплин, и прежде всего огневой и физической подготовки, вызванного сокращением часов в соответствующих программах обучения, сообщают и ППС и слушатели не только в рамках количественных опросов, но и в ходе качественных исследований:** «у нас сократились часы по огневой и физической подготовке, эти часы отнесли к самостоятельной подготовке... в результате если одни самостоятельно приходят, и самостоятельно работают, те потом на экзамене получают более лучшую оценку, а те, кто посещают только учебные занятия, то соответственно — «удовлетворительно», у них уровень подготовки ниже» (преподаватель, 2021), «когда новые программы пришли, у рядовых практически в два раза сократились часы по физической подготовке — очень сложно подготовить нормально подготовленных физически сотрудников» (преподаватель, 2021), «сегодня на тему броски отводится 3 занятия, а в гражданских вузах люди месяцами учатся падать, а мы уже должны за 3 занятия совершенствовать бросковые техники» (преподаватель, 2021), «Огневая раз в неделю, ты приезжаешь и понимаешь, что рука абсолютно отвыкла» (слушатель, 2020).

Очевидно, что утверждения опрошенных о недостаточности времени, отведенного для занятий по огневой и физической подготовке, связано, прежде всего, с исключительной значимостью данных дисциплин для сотрудников силового ведомства, пониманием их полезности для профессиональной деятельности слушателей. Вместе с тем обучающиеся фиксируют не только их полезность, но и увлекательность занятий по огневой и физической подготовке — исследование показало, что именно эти дисциплины стали лидерами в рейтингах наиболее полезных и интересных дисциплин в коллективном сознании слушателей (рис. 5).

Рис. 5. Дисциплины, которые по мнению слушателей, являются наиболее полезными для их профессиональной деятельности и наиболее интересными для них (в %)

В верхних эшелонах данных рейтингов представлены также дисциплины правового блока, что глубоко симптоматично, поскольку уголовное право, актуальные вопросы отдельных направлений деятельности ОВД (следствия дознания, конвойной службы и т.д.), административно-правовые дисциплины (административное право, административный процесс, административная деятельность полиции) имеют принципиальное значение для надлежащей подготовки сотрудников ОВД, и прежде всего, сотрудников полиции.

Сокращение часов по некоторым дисциплинам в программах профессионального обучения происходило с параллельным выделением специализаций внутри данных программ, ориентированных на подготовку сотрудников по определенным группам должностей, что, с одной стороны, позволило готовить сотрудников по конкретному профилю (участковые уполномоченные полиции, инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних, эксперты-криминалисты, оперуполномоченные уголовного розыска, инспекторы ДПС и т.д.), с другой,

по оценкам ППС, — породило ряд преград в организации и проведении учебных занятий, сказалось на качестве подготовки обучаемых.

Так, при проведении учебных занятий в подгруппах, формируемых соответственно профилям отдельных должностей, преподаватели отмечают следующие вновь возникшие сложности:

- **малочисленность подгрупп не позволяет организовать дискуссию, живое обсуждение с обучаемыми в целях более полного усвоения учебного материала** («есть занятия по некоторым дисциплинам, на которых присутствуют 1-2 человека, и занятия проходят абсолютно неинтересно, общения «ноль». Вроде вовлекаются в учебный процесс, но эффективности и результативности очень мало. Когда больше группа, общение вживую идет, я думаю, что больше плюса будет по сравнению с малочисленными группами», «когда один человек на занятии, хоть это и приближенно к индивидуальному обучению, но занятие проходит малоэффективно»);
- **малочисленность подгрупп может привести к отмене занятия** в связи с болезнью, заступлением слушателей в суточный наряд («сейчас большое количество подгрупп (один-два человека), один заболел, второй пошел в наряд, и пара не состоялась»);
- **в профильных подгруппах не формируются системные представления о структуре ОВД, взаимодействии подразделений при решении общих правоохранительных задач** («раньше все знали, кто такой сотрудник ГАИ, какие у него обязанности, также по участковому, сотруднику ППС, сотруднику конвойной службы, дежурной части. Сейчас же слушатели дальше своих приказов ничего не знают», «они не понимают, как нужно в рамках раскрытия и расследования преступления работать по другому направлению, например, по направлению работы участкового, то есть у нас эксперт только эксперт»);
- **дробление на специализированные подгруппы затрудняет расчет учебной нагрузки и соответственно её адекватное распределение между сотрудниками кафедры, а значит и должную подготовку к ее выполнению** («мы не можем посчитать точную нагрузку свою, потому что сегодня у нас зашли учебные группы с подгруппами следствия, миграции, ППС, а планировали мы к обучению только следственные подгруппы», «даже если выделяется одна подгруппа в составе одного человека, то общая нагрузка на кафедру увеличивается сразу на 170 часов»).

Некоторые затруднения в организации учебного процесса опрошенные испытывают в связи с расписанием учебных занятий. Несмотря на то что большинство и ППС (69,5% против 21,7%) и опрошенных слушателей (74,6% против 24,0%) удовлетворены тем, как оно составляется, отдельные опрошенные обеих категорий указывают на его некоторые недостатки.

Так, большинство слушателей из числа тех, кто не удовлетворен расписанием учебных занятий (24%), недовольны тем, что занятия проводят в субботу (76%), расписание не синхронизировано — имеют место неравномерные перемены между занятиями (53%), семинарские (практические) занятия следуют на следующий день после занятия лекционного — это не дает возможности должным образом подготовиться (47%).

Иллюстрация данных количественных показателей может быть почерпнута из результатов качественных исследований: «Распределение учебной нагруз-

ки *непоследовательное*» (слушатель, 2020); «4 пара физической подготовки... это после плотного обеда слушатели идут на пару, и вы сами понимаете, как-то это с полным желудком кувыряться, прыгать, падать, делать самостраховку..., поэтому слушатели работают вполсилы» (преподаватель, 2021).

Еще один аспект, требующий внимания по линии организации учебного процесса, связан с проведением самостоятельной подготовки слушателей. Об этом свидетельствуют, прежде всего, результаты качественных исследований. Так, некоторые слушатели указывают на неэффективность самостоятельной подготовки в отведенное для нее время в стенах факультета, вызванную **совместным пребыванием в одной аудитории значительного числа слушателей**: «готовиться самостоятельно можно и у себя в комнате, дома, это будет более эффективно, чем мы час сидим в аудитории. Все всё равно что-то обсуждают, кто-то вслух читает».

О необходимости коррекции самостоятельной подготовки мы можем судить и по мнениям ППС. Так, несмотря на то что относительное большинство ППС находят самостоятельную подготовку слушателей эффективной (47,8%), каждый третий полагает обратное (34,8%).

Главными причинами, препятствующими, должному проведению самостоятельной подготовки, по мнению ППС, являются **усталость слушателей, их недостаточная мотивация на самостоятельную работу**. Об этих причинах сообщил каждый второй преподаватель из числа тех, кто считает самостоятельную подготовку неэффективной.

На недостаточную заинтересованность в обучении в рамках самостоятельной подготовки могут указывать и оценки ППС общей мотивации обучающихся на прохождение службы в ОВД. Так, относительное большинство опрошенных ППС полагают, что уровень такой мотивации в среде слушателей, проходящих обучение на факультете, за последние 2-4 года снизился (табл. 4).

Таблица 4

Результаты ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменился уровень мотивации на прохождение службы в органах внутренних дел слушателей, прибывающих на обучение, за последние 2–4 года?» (в %)

Вариант ответа	%
Повысился	13,0
Скорее повысился, чем понизился	21,7
Не изменился	8,7
Скорее понизился, чем повысился	39,1
Понизился	4,3
Затрудняюсь ответить	13,0

О необходимости корректировки организации учебного процесса могут также говорить фактические и желаемые направления деятельности преподавателей. Как показало исследование, ППС проявляют невысокий интерес к тем направлениям деятельности, которые непосредственно не связаны с подготовкой и проведением учебных занятий. В то же время очень четко прослеживается стремление ППС к педагогическому совершенствованию — к подготовке к за-

нениям на качественно более высоком уровне и научно-исследовательской работе. Об этом сообщили соответственно 60,9% и 39,1% опрошенных соответственно.

Важное значение для общих благоприятных оценок профобучения на факультете, на наш взгляд, имело и восприятие материально-технического обеспечения учебного процесса. Большинство и слушателей и ППС свидетельствуют о его достаточно высоком уровне. Судить об этом мы можем по мнениям об отдельных его составляющих. Среди последних наилучшими признаны и в среде ППС и в установках слушателей обеспеченность учебного процесса методическими материалами и эстетико-функциональное оформление (наличие необходимого оборудования, ремонта, мебели и др.) учебных аудиторий факультета (табл. 5).

Таблица 5

Оценки отдельных сторон материально-технического обеспечения профессионального обучения на факультете в коллективном сознании ППС и слушателей по шкале от 2 до 5, где 2 – «плохо», 3 – «удовлетворительно», 4 – «хорошо», 5 – «очень хорошо», а 30 – затрудняюсь ответить (в %)

Категория опрошенных		2	3	4	5	30
	<i>Обеспеченность учебного процесса...</i>					
ППС	1. Качественными библиотечными фондами (правовыми актами, учебниками, пособиями)	8,7	17,4	43,5	26,1	4,3
Слушатели		1,9	1,9	42,6	50,0	-
ППС	2. Методические материалы (планы семинаров, лекции и др. в электронной и печатной формах)	-	-	43,5	47,8	8,7
Слушатели		1,9	3,7	42,6	51,9	-
ППС	3. Электронными информационными ресурсами (сеть «Интернет», информационные правовые системы)	13,0	4,3	47,8	30,4	4,3
Слушатели		-	7,4	40,7	50,0	1,8
	<i>Эстетико-функциональное оформление (наличие необходимого оборудования, ремонта, мебели и др.)...</i>					
ППС	4. Учебных аудиторий факультета	-	8,7	52,2	30,4	8,7
Слушатели		-	3,7	37,0	57,4	-
ППС	5. Библиотеки факультета	8,7	4,3	47,8	30,4	8,7
Слушатели		-	3,7	44,4	46,3	1,8
ППС	6. Общежития факультета	-	13,0	39,1	30,4	17,4
Слушатели		-	5,5	46,3	46,3	1,8

В целом положительные оценки качества учебных занятий, организации учебного процесса, его материально-технического обеспечения predeterminedили высокие оценки удовлетворенности ППС и слушателей соответственно обучением и прохождением службы в Институте. Так, о своем удовлетворении

от обучения сообщили 90% опрошенных слушателей, а от прохождения службы — 96% ППС. Неудивительно в связи с этим, что большинство ППС (82,7%) считают для себя службу в институте престижной, 70% с желанием и охотой отправляются на службу, а 83,1% слушателей — на учебные занятия.

Желание слушателей посещать учебные занятия испытало на себе влияние, как нам представляется, не только вышеуказанных факторов, но и в значительной степени было предопределено доброжелательной атмосферой межличностных отношений, сформировавшихся на факультете и, прежде всего, в учебных группах. Так, морально-психологический климат отношений, сложившихся на факультете абсолютное большинство слушателей (95,8%) оценивает как благоприятный. При этом наиболее позитивное состояние взаимодействий у опрошенных сложилось, как было отмечено, с теми участниками образовательного процесса, с которыми, респонденты находились в наиболее тесных и интенсивных социальных контактах — с одногруппниками (рис. 6).

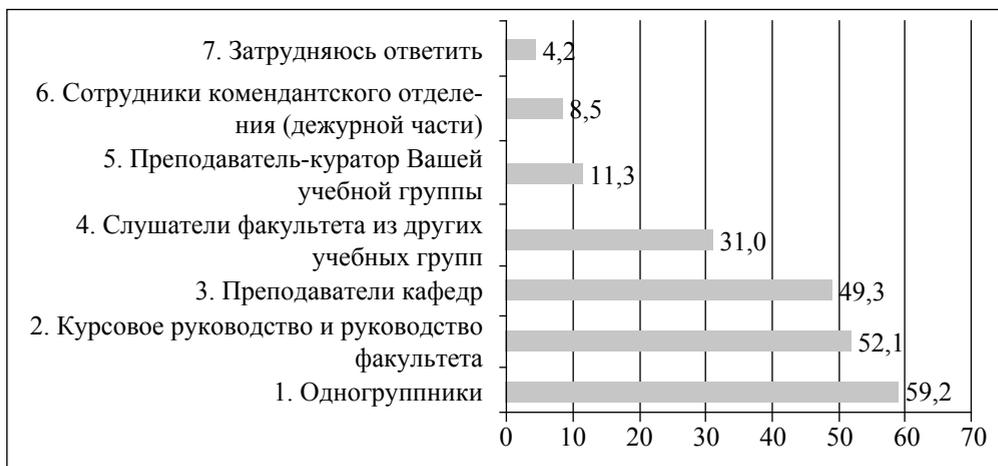

Рис. 6. Результаты ответов слушателей на вопрос: «С какими категориями сотрудников на факультете у Вас сложились наиболее благоприятные отношения?» (в %)

Выводы. В коллективном сознании как слушателей, так и преподавателей профессиональное обучение на факультете отражается в целом в положительных оценках. Частные аспекты его реализации, предопределившие указанные высокие оценки, также воспринимаются опрошенными достаточно позитивно: проведение учебных занятий, организация учебного процесса, его материально-техническое обеспечение, атмосфера межличностных отношений.

Качество проводимых занятий предопределяется достаточно высокой квалификацией преподавателей, ведущих занятия на факультете, наличием у многих из них опыта службы в практических органах, их заинтересованностью в должном проведении занятий, педагогическими навыками и отдельными методическими приемами.

Организация учебного процесса оценивается благоприятно в силу наличия специализированных кафедр Института, достаточности времени, отведенного для освоения соответствующих программ профессионального обучения, создания основных условий для самостоятельной подготовки.

Положительное восприятие материально-технического обеспечения профессионального обучения на факультете выражено в удовлетворительных оценках

обеспеченности учебного процесса качественными библиотечными фондами (правовыми актами, учебниками, пособиями), методическими материалами, электронными информационными ресурсами, восприятием эстетико-функционального оформления помещений факультета.

Наряду с этим тем каждая из указанных составляющих образовательного процесса имеет ряд сторон, требующих своего улучшения.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2009 № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

2. Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

3. *Долгих И.П.* О проблемах и перспективах профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации // *Полицейская и следственная деятельность*. — 2015. — № 2. — С. 60–71.

4. *Красилов О.В., Мананников С.В., Балакин Ю.П., Веденева Е.Л.* О некоторых особенностях первоначальной профессиональной подготовки женщин-сотрудниц ОВД при обучении в образовательных организациях системы МВД России // *Вестник экономической безопасности*. — 2019. — № 4. — С. 409–412.

5. *Мальцева О.А.* Психолого-педагогические факторы эффективности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, впервые принятых на службу // *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 1. — С. 218–222.

6. *Рыльчиков Д.Ю., Литвин Д.В.* К проблеме физической готовности лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2014. — № 4. — С. 198–202.

7. *Селезнев В.И., Касаткина Н.В.* Профессиональное обучение сотрудника полиции в современных условиях // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. — 2017. — С. 63–68.

8. *Украинский С.В., Власенко Е.Е.* Самостоятельная подготовка: проблемные вопросы в период прохождения первоначального обучения по профессии «Полицейский» в образовательных организациях МВД России // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2017. — № 3. — С. 194–197.

9. *Чурсин О.А.* Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел по месту службы: перспективы и тенденции // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2015. — № 2. — С. 193–196.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НАРКОМАНИИ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

PREVALENCE OF DRUG ADDICTION: SUBJECTIVE ESTIMATES
OF THE POPULATION IN THE REGION

ВИШНЯКОВА Наталья Анатольевна — научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (e-mail: sociopark@mail.ru)

КУРМЫШКИНА Оксана Николаевна — старший научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (e-mail: mad-oksana@yandex.ru)

VISHNYAKOVA Natalia Anatoliievna — Researcher Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (e-mail: sociopark@mail.ru)

KURMYSHKINA Oksana Nicolaevna — Researcher Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (e-mail: mad-oksana @yandex.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты мониторингового социологического исследования для оценки распространенности наркомании в регионе. Проблема рассматривается через общую оценку уровня наркоситуации, доступности наркотических средств, социальное окружение и правовую осведомленность по данному вопросу. Выявлены социально-демографические особенности восприятия и оценки наркообстановки в региональном социуме. Определены основные причины распространения наркомании в Республике Мордовия. Дана оценка эффективности профилактических мер для решения проблемы потребления наркотических средств.

Ключевые слова: наркомания, наркоситуация, доступность наркотиков, регион, социальное окружение, причины наркомании.

Abstract. The article presents the results of a monitoring sociological study aimed at assessing the prevalence of drug addiction in the region. The problem is considered through a general assessment of the level of narcosituation, drug availability, social environment and legal awareness. The article reveals socio-demographic features of perception and evaluation of drug substitution in regional society. The authors identified the main causes of the spread of drug addiction in the region. Residents of the region assessed the effectiveness of preventive measures to solve the problem of drug use.

Keywords: Drug addiction, narcosituation, drug availability, region, social environment, causes of drug addiction.

Проблема наркомании не теряет своей актуальности на протяжении нескольких десятилетий, постоянно приковывая внимание исследователей различных областей науки. Затрагивая все аспекты жизнедеятельности как личности, так и общества, она негативно влияет на социальные, экономические, демографические процессы и здоровье нации в целом. В Российской Федерации нет региона, в котором не существовало бы данной проблемы. Изучение проблемы осуществляется на уровне государственной власти [16]. Данная проблематика освещается исследователями как на федеральном [8; 9; 11; 15], так и региональном [3; 4; 5; 10; 11] уровнях.

Для оценки состояния наркоситуации в регионе были проведены социологические исследования по теме «Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия» (2018–2020 гг.), в рамках которого было выявлено отношение населения к проблеме распространенности наркомании [17; 18]. Одним из способов объективной оценки распространенности наркомании является социологический опрос [14].

Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом опроса, была применена многоступенчатая квотная выборка, рассчитанная на основе данных государственной статистики о численности населения Республики Мордовия от 14 до 60 лет. При расчете выборки учитывались квоты: пол, возраст и место проживания (город/село) респондента. Объем выборочной совокупности составляет 2 010 чел. Обработка первичной социологической информации осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 19.0.

Согласно мониторингу, проблема наркомании не имеет широкого распространения в Республике Мордовия, не обостряется с годами и находится в стадии стагнации. В 2020 г. четверть опрошенных (25,2%) полагают, что наркомания у них совсем не распространена (в 2018 г. — 20,7%, в 2019 г. — 20,5%). Примерно столько же респондентов (28,0%) отмечают, что проблема распространена, но не больше, чем везде (в 2018 г. — 30,0%, в 2019 г. — 29,2%). На высокую степень ее распространения в их населенном пункте указали 3,4% респондентов (в 2018 г. — 4,2%, в 2019 г. — 4,0%). Затруднились ответить на данный вопрос 43,4% опрошенных (в 2018 г. — 45,1%, в 2019 г. — 46,4%).

Оценка респондентами степени распространения наркотических средств зависит от места проживания опрошенных. Так, горожане гораздо чаще, чем сельчане, указывают на эту проблему в их населенном пункте (40,1% против 18,2%). При этом 36,9% жителей села считают, что наркомания не распространена в их населенном пункте (горожане — 17,5%), а 35,2% горожан — что данное явление распространено, но не больше, чем везде (сельчане — 17,0%).

Основными причинами распространения наркомании опрошенные считают неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, моральную деградацию общества, вседозволенность, безработицу и экономические проблемы, а также излишнюю свободу и отсутствие организованного досуга (рис. 1).

Самые значимые и заметные различия во мнениях по данному вопросу наблюдаются среди молодежи (от 14 до 29 лет) и старшего поколения (от 50 до 60 лет). Так, молодежь в качестве причин распространения наркотиков чаще указывает на неудовлетворенность жизнью (социальное неблагополучие) (56,5% против 44,9%), влияние наркобизнеса, доступность наркотических средств (35,2% против 24,6%). Молодое поколение постоянно находится в поиске себя, в состоянии, когда желания во много раз превышают их возможности, вероятно, поэтому причину распространения наркотиков они видят в «плохом» социальном окружении, которое либо не способно удовлетворить их потребности, либо делает доступными запрещенные вещества. Представители старшего поколения — люди со сформированным мировоззрением и устойчивой картиной мира, в отличие от молодежи, чаще видят причину распространения наркотиков в объективных и осязаемых факторах: безработица, экономические проблемы (43,1% против 30,9%), влияние массовой культуры и СМИ (24,8% против 20,6%), а также слабая профилактическая работа (18,3% против 12,3%). Особенности восприятия проблемы наркомании и потребления наркотиков сре-

ди различных социально-демографических групп также отмечают ряд исследователей [7; 13].

Одним из факторов, влияющих на наркоситуацию в регионе, является степень доступности наркотиков. Полагают, что сегодня легко достать запрещенные вещества в регионе 17% опрошенных («сравнительно легко» — 12,8%, «очень легко» — 4,2%). Противоположной точки зрения придерживаются 3,9% респондентов («трудно» — 3,0%, «очень трудно» — 0,9%). Согласно результатам социологического исследования, респондентов из городской местности, которые уверены в том, что легко достать наркотики, почти в два раза больше, чем из сельской (20,8% против 11,3%).

Большинство респондентов (79,0%) по-прежнему не знает, трудно ли сегодня достать наркотики, что косвенно свидетельствует о нераспространенности проблемы наркомании в регионе. Таким образом, опрос населения Республики Мордовия показал отсутствие интереса к теме доступности наркотиков, что оказывает позитивное влияние на состояние наркоситуации в регионе и не способствует ее обострению.

На приобщение населения к потреблению наркотиков влияет такой социокультурный фактор, как социальное окружение индивида. Наличие в ближайшем круге общения людей, допускающих потребление наркотиков, является одним из главных факторов риска приобщения к наркопотреблению. За анализируемый период времени абсолютное большинство респондентов отметили, что они не знакомы и не общаются с людьми, употребляющими наркотики (в 2018 г. — 87,8%, в 2019 г. — 89,1%, в 2020 г. — 90,5%). В то же время десятая часть опрошенного населения призналась, что в их ближайшем окружении есть потребители этих веществ, что потенциально позволяет отнести их к группе риска.

Анализ социального окружения социально-демографических групп респондентов выявил несколько интересных социальных фактов. Так, в кругу друзей и знакомых у 12,8% опрошенных мужчин есть наркозависимые, что в 2 раза больше, чем в кругу женщин (6,7%). С потребителями наркотиков оказываются знакомы чаще респонденты в возрасте от 18 до 29 лет (13,2%) и от 30 до 39 лет

(11,3%). Стоит отметить, что тот же показатель является самым низким среди респондентов подрастающего (от 14 до 17 лет) и старшего (от 50 до 60) поколений — 5,8%. Больше всего знакомых, допускающих немедицинское потребление запрещенных веществ, оказалось у горожан (12,4%), у жителей села их в 2 раза меньше — 5,0%.

Полученные данные объективно отражают существующие реалии, так, доступность наркотических средств выше в городе, соответственно, и в окружении горожан находится больше наркопотребителей. Это связано с тем, что наркобизнес в большей степени аккумулируется в городах, где выше плотность населения, уровень дохода граждан, развиты IT-коммуникации. Распространенность наркомании в городской среде отмечается в работах С.Ю. Манешина, Е.В. Орлова, Е.А. Сергеева, И.А. Живуцкой и др. [2; 6; 12].

Знание законодательной ответственности также может выступать определенным ограниченным фактором употребления наркотических средств. По результатам опроса за последние три года без изменений остается число респондентов, которые в разной степени осведомлены о законодательной ответственности в Российской Федерации за потребление, хранение и сбыт наркотических веществ. Почти половина опрошенных заявляют, что ответственность известна им в общих чертах, — 47,1%, мало осведомлены о законодательстве 22,1% респондентов, а высокий уровень знаний правовой базы имеют лишь 21,3% участников опроса. Наибольшую осведомленность по данному вопросу чаще демонстрируют мужчины (преимущественно с высшим образованием в возрасте от 30 до 39 лет).

Решение проблемы наркомании население видит в принятии ряда профилактических мер. Так, к самым эффективным мерам профилактики и решения проблемы наркомании опрошенное население, как и в предыдущие годы, относит расширение работы с молодежью (45,8%) и ужесточение мер наказания за наркопреступления (44,1%) (табл. 9). Такие профилактические меры, как физкультурные и спортивные мероприятия (31,8%), лекции и беседы в учебных заведениях (28,8%), а также принудительное лечение наркоманов (27,3%), наиболее действенными считает почти треть респондентов. Наиболее низкие позиции в рейтинге эффективности профилактических мероприятий занимают тематические программы и фильмы на телевидении (13,5%), публикации в Интернете, специализированные сайты (11,5%), а также специальные концерты, фестивали (7,4%).

Согласно субъективным оценкам населения региона, наркомания не занимает лидирующих позиций в списке социально значимых проблем республики. Степень распространенности проблемы в большей степени оценивается позицией «распространена, но не больше чем везде». Решение проблемы, прежде всего, ведется в проведение профилактической работы со стороны всех социальных институт, государственной власти и правоохранительных органов.

Список литературы

1. Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н. Наркоситуация региона через призму молодежного взгляда // Молодежь и XXI век-2021. Материалы XI Международной молодежной научной конференции, в 6-х т. — Курск, 2021. — Т. 3. — С. 114–117.

2. *Живуцкая И.А.* Наркотизация молодежи в условиях современного города // Социальные трансформации. — 2015. — № 25. — С. 49–55.
3. *Калиниченко Я.Н.* Оценка факторов наркотизации молодежной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае // Социология и право. — 2020. — № 4 (50). — с. 42–54.
4. *Лисихина Н.В.* Некоторые аспекты Состояния наркоситуации в Северо-кавказском федеральном округе в контексте мониторинговых исследований // Научный компонент. — 2020. — № 4 (8). — С. 6–12.
5. *Максимов К.В., Федоров А.Г.* Состояние наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 году // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 4 (86). — С. 45–52.
6. *Манешин С.Ю., Орлов Е.В., Сергеева Е.А.* Влияние ложной урбанизации на жителей города // Журнал социологических исследований. — 2020. — Т. 5. — №4. — С. 25–28.
7. *Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф.* Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. — 2017. — №6. — С. 138–160.
8. *Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е.* Социологическое исследование как составляющая мониторинга наркоситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 1 (19). — С. 47–54.
9. *Позднякова М.Е.* Новая наркоситуация в России // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2019. — № 2 (95). — С. 77–89.
10. *Сади С.С., Сат А.В., Караптай С.М.* Мониторинг наркоситуации в Республике Тыва (по результатам социологических исследований) // Власть истории и история власти. — 2020. — Т. 6. — № 4 (22). — С. 585–595.
11. *Ступина С.А.* Наркоситуация в России и Сибирском федеральном округе // Эпоха науки — 2021. — № 25. — С. 143–155.
12. *Хасанова Г.М., Абрарова З.Ф., Кильсенбаев Э.Р., Хасанова А.Н.* Проблемы профилактики наркомании среди городских и сельских подростков // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 11 (114). — С. 364–366.
13. *Шайдукова Л.К.* «Гендерная наркомания» — особенности заболевания у женщин // Социальная и клиническая психиатрия. — 2020. — №4. — С. 90–96.
14. *Шинкевич В.Е., Бен Е.Н., Молоков В.С.* Состояние наркопотребления в Красноярском крае и предложения по профилактике незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ: по результатам социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2017. — №2 (27). — С. 38–47.
15. *Шульгина Е.В.* Современные тенденции наркотизации в России и странах Запада // СНИСП. — 2019. — № 4 (28). — С. 193–202.
16. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел РФ [сайт]. — URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467> (дата обращения: 01.10.2021).
17. *Баренкова Е.А., Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н., Мотыкин В.Н., Полутин С.В.* Доклад о наркоситуации в Республике Мордовия: итоги мониторинга за 2018 г. Под редакцией И.М. Фадеевой. — Саранск, 2019. — Текст: электронный // Научная электронная библиотека [сайт]. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41900087_38575112.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

18. Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н., Мотькин В.Н., Парфенова В.А. Доклад о наркоситуации в Республике Мордовия: итоги мониторинга за 2019 г. — Текст: электронный // Официальный сайт городского округа Саранск [сайт]. — URL: https://adm-saransk.ru/upload/Monitoring_narkosituacii_2019.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

РАЗРУШЕНИЕ АНОНИМНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

THE DESTRUCTION OF ANONYMITY: REGIONAL SECURITY

ЗАХАРОВ Сергей Михайлович — кандидат политических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», преподаватель кафедры философии и социальных наук (e-mail: zakharov1201@rambler.ru)

ZAKHAROV Sergey Mikhailovich — PhD in Political Science, Lecturer Department of philosophy and social Sciences, Yelets State University named after I.A. Bunin (e-mail: zakharov1201@rambler.ru)

Аннотация. «Стоимость» участия в протестной политической повестке сегодня становится довольно высокой, что отражает представление власти о том, как должна формироваться безопасность. Автор отмечает, что у подобных охранительных мер есть обратная сторона. Деанонимизация может рано или поздно обернуться против самой власти. Цель публикации заключается в том, чтобы показать, как информационные технологии способствуют разрушению анонимности людей, принимающих участие в политических акциях. В рамках исследования автор использует метод дискурс-анализа, позволяющий рассмотреть наполнение концепта «деанонимизация» техническими, правовыми и политическими смыслами. Учитывая, что процесс разрушения анонимности подразумевает конфликт, автор использует конфликтологический метод, дающий возможность оценить шансы на сохранение анонимности для субъектов, принимающих участие в публичных акциях. Исследование показало, что современный уровень развития технологий, практически исключающий возможность сохранить анонимность, должен способствовать изменению паттернов поведения для акторов, принимающих участие в политических процессах как онлайн, так и офлайн.

Ключевые слова: анонимность, безопасность, деанонимизация, протест, технологии.

Abstract. The «cost» of participating in the protest political agenda is becoming quite high today, which reflects the authorities' idea of how security should be formed. The author notes that such protective measures also have a downside. Deanonymization may, sooner or later, play against the government itself. The purpose of the publication is to show how information technologies contribute to the destruction of the anonymity of people who, in one way or another, practice political participation. Within the framework of the research, the author uses the method of discourse analysis, which allows us to consider the content of the concept of «deanonymization» with technical, legal and political meanings. Considering that the process of destroying anonymity implies conflict, the author uses a conflictological method that makes it possible to assess the chances of maintaining anonymity for subjects taking part in public actions. The study showed that the current level of technology development, which practically excludes the possibility of maintaining anonymity, should contribute to changing patterns of behavior for actors taking part in political processes both online and offline.

Keywords: anonymity, security, deanonymization, protest, technologies.

«Любая технология нейтральна.
В каких-то руках она может использоваться во благо,
в каких-то — во зло»
Р. Юсуфов [16]

Широкий доступ к интернету и активное использование социальных сетей (в январе 2020 г. в Российской Федерации насчитывалось 118 млн пользователей интернета и 70 млн пользователей социальных сетей [19]) серьезно повлияли на политическую партиципацию акторов. Меняется характер распространения информации и механизмы координации действий в рамках реального политического процесса. При этом модели поведения во многом обусловлены балансом между ответственностью/страхом и безнаказанностью. В определенной степени сохранение анонимности дает чуть больше возможностей для радикализации поведения, притупляя страх быть уличенным в противоправных действиях. Однако современные механизмы анализа персональных данных практически не оставляют шанса для сохранения анонимности, что в конечном счете должно повлиять на характер партиципации всех акторов, включенных в политический процесс.

Как отмечал Г. Клименко: «На каком-то этапе развития интернета неизбежна деанонимизация пользователей» [7]. Так, уже сейчас значительное их число принимают как данность необходимость предоставления персональных данных для получения тех или иных услуг. С другой стороны, анонимизация, главным образом в социальных сетях, под которой Я. Бушуев и В. Григорьев понимают «предоставление акторами СС [социальной сети] ложных персональных данных или даже их удаление» [2, с. 126], делает пользователя в определенной степени «цифровым маргиналом», создавая определенные сложности, в частности, с поиском работы или получением банковских услуг.

Паттерну поведения, направленному на деанонимизацию, способствует трансформация законодательной базы. Так, в 2018 г. были приняты законы об идентификации пользователей интернет-мессенджеров («привязка» учетной записи к абонентскому номеру) и мобильной связи (идентификация абонента по паспортным данным). Кроме того, в 2019 г. в Государственную Думу вносились законопроекты, предусматривающие регистрацию пользователей в социальных после предъявления документов, удостоверяющих личность, а также обязательную идентификацию пользователей электронной почты. Однако в итоге законопроекты были отозваны [3, с. 105].

Не менее важным в рамках законодательной сферы является и то, каким образом происходит идентификация человека, тем более что он, на современном этапе развития цифрового общества, представляет собой некий мультипрофиль со сведениями об активности в социальных сетях, геолокации, характере потребляемого контента. В рамках российской правовой системы эта сфера регламентируется законом «О персональных данных», где под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [1].

Идентификация личности может базироваться на анализе поведенческих кейсов, на что указывает А. Хачуян. «Могу вас идентифицировать по клавиатурному почерку, по тому, как вы взаимодействуете с интерфейсом, по тому

контенту, который вы лайкаете. Поэтому современные технологии «переросли» этот закон» [15], — отмечает эксперт. Таким образом, мы можем наблюдать тенденцию, в рамках которой законодательная система будет адаптироваться и видоизменяться согласно вызовам и трендам, предлагаемым ей цифровым обществом.

Подобное стремление к деанонимизации, которая, к слову, характерна не только для России, вызывает опасения как среди правозащитников, так и международных организаций. В частности, этой проблеме был посвящен доклад Верховного комиссара ООН по правам человека «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век» [13], в рамках которого также поднимались вопросы о свободе выражения мнений, сборе и использовании персональных данных. Однако, по мнению А. Хачуяна, «Этический вопрос очень простой: если бы вы не хотели, чтоб это кто-то анализировал, вы бы это не выкладывали» [15]. Тем самым происходит некий конфликт интересов между стремлением государства/компаний собирать интересующие их данные для реализации своих интересов и правом на приватность, которое во многом контролируется самим человеком/гражданином.

Таким образом, экстраполируя на политический дискурс технические и юридические аспекты пути к деанонимизации пользователей в сети, можно сказать, что современное цифровое общество должно сформировать у акторов принципы «информационной гигиены» в плане политических высказываний и призывов.

В свою очередь деанонимизация должна стать определяющим фактором, формирующим конвенционные паттерны поведения в рамках публичных политических акций, тем более что власть использует все имеющиеся у нее ресурсы для реализации данных проектов. На наш взгляд, на данном этапе российские власти обладают необходимым техническим инструментарием для дифференцированного подхода в вопросе установления личности участников уличных акций. При этом понимая и то, что превентивные меры, в частности, ограничение доступа в интернет, кроме нарушения привычного порядка вещей цифрового общества, влекут к серьезным репутационным издержкам и негативно сказываются на легитимации власти.

Аффилированные с государством структуры в рамках своих коммерческих интересов активно интересуются аспектом деанонимизации пользователей. На это обращал внимание Ф. Лайт, отмечая, что VisionLabs и NTechLab, две ведущие российские компании по распознаванию лиц, получили помощь от крупнейших государственных компаний. Сбербанк (государственная организация) приобрел 25% VisionLabs, а 12,5% NTechLab принадлежат госкорпорации Ростех. Это сочетание частного опыта и государственной щедрости позволило заложить основу технологии распознавания лиц в России и защитить ее от влияния иностранных, особенно китайских, конкурентов [20]. В дальнейшем Российский фонд прямых инвестиций и ведущие суверенные фонды Ближнего Востока совершили инвестицию в размере свыше 1 млрд рублей в NTechLab. Комментируя произошедшее событие, К. Дмитриев отметил, что «применение систем биометрического распознавания в повседневной жизни, на массовых мероприятиях, при внедрении новых продуктов банками и в ряде других сфер поможет значительно повысить уровень безопасности» [14].

Финансовое участие власти в проектах по деанонимизации позволяет ей использовать имеющиеся технологии, в том числе и в политической сфере, вычлняя акторов, предпринимающих протестную активность. В свое время

на это указывал С. Дарбинян, отмечая, что сначала московские власти говорили, что речь идет исключительно об общественной безопасности: поиск потерявшихся детей, поимка опасных преступников. Но теперь они даже не скрывают, о чем идет речь, они хотят использовать это для отслеживания и идентификации протестующих [20].

Демонстрацией возможностей технологии распознавания лиц FindFace, разработанной компанией NTechLab, стала публикация личных страниц в социальных сетях участников митингов 12 июня 2017 г. в Москве на сайте Je Suis Maidan. При этом авторы сайта отмечали, что «на практике ни о какой анонимности на уличных акциях речи быть не может. Современные технологии высокочеткой съемки и распознавания лиц позволяют с огромной точностью определить личность любого участника любого митинга» [18].

В свою очередь, рассуждая о технологии деанонимизации в контексте протестной активности в России в январе 2021 г., Э. Муртазин отмечает, что точность работы системы достигает 98%, при этом анализируется не только лицо, но и иные внешние признаки: одежда, жесты, походка, фигура. «Система работает следующим образом: когда вы что-то сделали, кинули файером или снежком, вас оператор помечает как «персону интереса», а дальше идет раскрутка в обратном порядке» [9].

Таким образом, противоправные действия, а также нестандартные паттерны поведения, в частности, отсутствие у человека мобильного телефона на публичной акции, дает повод алгоритму причислить его к числу «персон интереса» и запустить процесс деанонимизации.

Следует понимать, что эффективность использования подобных способов идентификации возможна в условиях высокой технической оснащенности Москвы. Однако в рамках крупных провинциальных центров силовые структуры также стремятся внедрить технологии деанонимизации в свою практику. В качестве примера выступает случай в Екатеринбурге, о котором сообщалось: «В толпе были сотрудники полиции в штатском, которым давали указания, кого именно надо снимать на мобильник. Также с телефонов и нагрудных камер съемку проводили и некоторые сотрудники в форме. Профессиональные камеры, расположенные на белом фургончике, использовали сотрудники ФСБ. Кроме того, после митинга собирают записи с городских камер, а также переписывают с экрана прямые эфиры СМИ... Все видео и фото из разных источников заливаются в одну базу. Затем прогоняются через специальную программу, распознающую лица и используются для аналитической и оперативной работы» [10].

В свою очередь, в условиях малого города технологический аспект по деанонимизации акторов протеста в определенной степени отходит на второй план, поскольку изначально, как отмечает А. Скиперских, «участник уличных протестных акций лишен такого важного козыря как анонимность» [4, с. 122].

Деанонимизация в рамках публичного пространства является спорной предметной областью, где происходит конфликт между правами гражданина на собрание, выражение мнения и необходимостью поддерживать общественную безопасность со стороны власти. Иллюстрацией тому выступает ряд исковых заявлений в суды Москвы и Европейский суд по правам человека по поводу применения технологи распознавания лиц на согласованном митинге 29 сентября 2019 г. на проспекте Сахарова, которые в рамках российской судебной системы не были удовлетворены.

Таким образом, мы можем говорить о том, что данная сфера нуждается в реформировании и поиске баланса между интересами гражданского общества и государства. Это дает повод согласиться с мнением Д. Морозова, который отмечает: «Применение распознавания лиц должно регулироваться, и вряд ли это должно быть государственное регулирование. Это может быть НКО, созданная крупными бизнес-сетями. При этом может применяться принцип *self owned identity*, когда человек сам является собственником биометрической информации о себе» [5].

Важным аспектом деанонимизации в рамках уличной политической активности в России является идентификация сотрудников правопорядка. При этом решение данного вопроса может находиться как в юридической плоскости, так и принимать неконвенционные формы.

С точки зрения законодательной инициативы, призванной усилить персональную ответственность сотрудников органов правопорядка и сдерживать их от применения необоснованной силы, интерес представляет законопроект «Об идентификации сотрудников полиции и Росгвардии». Как отмечает его инициатор В. Лукин: «Контроль за ответственностью органов, которые в исключительных случаях и в ограниченных пределах могут применять физическую силу к гражданам, должен быть постоянным и всесторонним» [8, с. 15]. Следует отметить, что данная законодательная инициатива имеет достаточно широкую общественную поддержку, которая была обозначена в рамках петиции «Правопорядковый номер» [12].

С другой стороны, отсутствие реакции власти на запрос общества служит в определенном смысле триггером для неконвенционного кейса в плане распространения персональных данных силовиков. Как отмечает А. Литреев: «Попытка силовиков утаить свои данные в интернете показывает, что и правоохранительные структуры, и власть вообще до конца не осознают, как устроены современные технологии, что и так понятно по законотворческой деятельности в отношении интернета. Между тем, деанонимизация как процесс приобретает катастрофические для силовиков масштабы. Приложений и сервисов для идентификации личности через интернет огромное количество: значительная их часть бесплатная, а принцип работы доступен любому» [11, с. 11].

Мысль разделяет А. Максимов, обращая внимание на то, что некоторое время назад все знали: крупные компании способны идентифицировать и подавлять обычных людей, но сейчас мы приближаемся к технологическому порогу, когда простые люди могут делать это с крупными компаниями [17].

Пример — поиск бойца 2 оперативного полка ГУ МВД по Москве, ударившего Д. Сосновскую, за идентификацию которого глава правозащитной организации «Агора» П. Чиков объявил вознаграждение. После публикации сведений о Цыплакове, награда была предложена главному редактору «Vaza» Н. Могутину, но тот отказался [6].

Таким образом, доступность технологий деанонимизации в определенной степени позволила установить паритет в аспекте ответственности за свои действия для всех участников публичных акций, при этом доказав необходимость формирования нормативной базы, которая должна не допустить эскалацию напряженности, способную вылиться в призывы к расправам над сотрудниками правоохранительных органов и их семьями.

Список литературы

1. О персональных данных: Федеральный закон № 152–ФЗ от 27.07.2006 г. (ред. от 08.12.2020). — Текст: электронный // Президент России. Официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154> (дата обращения: 5.02.2021).
2. *Бушуев Я.П., Григорьев В.Р.* Методы деанонимизации в социальных сетях // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». — 2016. — № 3 (5). — С. 125–146.
3. *Капитонова Е.А.* Обязанности и ограничения прав и свобод личности как средство регуляции поведения человека в цифровом обществе: тенденции и перспективы // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. — Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2020. — С. 104–108.
4. *Скиперских А.В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). — Липецк: Издательство «Гравис», 2013. — 204 с.
5. *Алехина М., Скобелев В., Кузнецова Е.В.* ЕСПЧ подали иск о массовом распознавании лиц на митингах в Москве. — Текст: электронный // РБК [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5efde4e69a79472b5e07ef32> (дата обращения: 13.02.2021).
6. В Госдуму внесли законопроект об идентификации полицейских на митингах. — Текст: электронный // Такие дела. Журнал [сайт] — URL: <https://takie-dela.ru/news/2019/08/25/identifikaciya-silovikov/> (дата обращения: 14.02.2021)/
7. «Деанонимизация интернета — это неизбежный процесс». Советник президента РФ Герман Клименко — об интернете, «синих китах» и государственном мессенджере / В. Зыков. — Текст: электронный // Известия [сайт]. — URL: <https://iz.ru/news/686381> (дата обращения: 4.02.2021).
8. *Кобылкина Д.* Расширенные значки. Владимир Лукин — о законопроекте «Обидентификации сотрудников полиции и Росгвардии». — Текст: электронный // Новая газета [сайт]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/26/81734-rasshirennye-znachki> (дата обращения: 14.02.2021).
9. *Колосов Е.* Нарушившие закон на незаконных митингах будут вычислены системой распознавания лиц. — Текст: электронный // Политическая экспертиза [сайт]. — URL: <https://politexpert.net/231673-narushivshie-zakon-na-nezakonnykh-mitingakh-budut-vychisleny-sistemoi-raspoznavaniya-lic> (дата обращения: 11.02.2021).
10. *Кошек Е.* «Зальют фото и найдут нарушителей». Что будет с теми, кто попал в объективы камер на митинге в Екатеринбурге. — Текст: электронный // E1.PY Екатеринбург Онлайн [сайт]. — URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69722761.html (дата обращения: 11.02.2021).
11. *Половинко В., Джорджевич А., Минеева Ю.* Избивать и скрываться. — Текст: электронный // Новая газета [сайт]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/01/81452-izbivat-i-skrivatsya> (дата обращения: 14.02.2021).
12. Порядковый номер [сайт]. — URL: <https://pravnomer.ru> (дата обращения: 14.02.2021).
13. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. — Текст: электронный // Организация Объединенных наций [сайт]. — URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/39/29> (дата обращения: 4.02.2012).

14. РФПИ инвестировал в разработчика технологий компьютерного зрения NTechLab. — Текст: электронный // Российский фонд прямых инвестиций [сайт]. — URL: <https://rdif.ru/fullNews/5822/> (дата обращения: 7.02.2021).

15. Тотальная слежка или Big Data? Артур Хачуян о том, как работают большие данные / Х. Третьякова. — Текст: электронный // Завтра [сайт]. — URL: https://zavtra.ru/blogs/total_naya_slezhka_ili_big_data (дата обращения: 5.02.2021).

16. Цифровой концлагерь или цифровая утопия. Артур Хачуян и Руслан Юсуфов / Е. Красоткина. — Текст: электронный // Такие дела. Журнал [сайт]. — URL: <https://takiedela.ru/2021/03/cifrovaya-bezopasnost/> (дата обращения: 18.06.2021).

17. Hill K. Activists turn facial recognition tools against the police. — Текст: электронный // The New York Times [сайт]. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/21/technology/facial-recognition-police.html> (дата обращения: 14.02.2021).

18. Je Suis Maidan [сайт]. — URL: <http://jesuismaidan.ru/#popup:myform> (дата обращения: 7.02.2021).

19. Kemp S. Digital 2020: The Russian Federation. — Текст: электронный // DataReportal [сайт]. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (дата обращения: 03.02.2021).

20. Light F. Russia is building one of the world's largest facial recognition networks. — Текст: электронный // The Moscow Times [сайт]. — URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/11/12/russia-building-one-of-worlds-largest-facial-recognition-networks-a68139> (дата обращения: 7.02.2021).

Е.А. Воронцов

ДЕМАРКАЦИЯ НАУЧНЫХ И НЕНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В СВЕТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

DEMARCATIION OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE LIGHT OF CLASSICAL PHILOSOPHICAL THOUGHT

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич. Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии МГТЭУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich. The candidate of philosophical sciences. associate Professor of the Department of sociology and philosophy of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу классической парадигмы научного знания. В контексте разбора эпистемологических построений Аристотеля, Бэкона и Канта выявляются основные признаки науки, ее предметная область, границы и цель. Акцентируется внимание на конкретных механизмах демаркации науки от иных когнитивных практик.

Ключевые слова: Аристотель, Бэкон, Кант, философия, наука, знание, мнение, эпистемология, софистика.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the classical paradigm of scientific knowledge. In the context of the analysis of the epistemological constructions of Aristotle, Bacon and Kant, the author examines the main features of science, its subject area, boundaries and purpose. Attention is focused on the specific mechanisms of demarcation of science from other cognitive practices.

Keywords: Aristotle, Bacon, Kant, philosophy, science, knowledge, opinion, epistemology, sophistry.

В контексте современной эпохи понятия «наука» и «знание» нередко фигурируют в качестве равнозначных. Мы знаем то, что знает наука, и наоборот: не подтвержденное наукой считается сомнительным, а то и вовсе ложным. Люди, неискушенные в перипетиях интеллектуальной культуры, идут дальше и отождествляют науку с самой истиной, полагая, что реальность такова, какой она представляется ученым и невозможное с точки зрения науки невозможно в действительности.

Мы слышим и употребляем слово «наука» постоянно, однако, вопреки кажущейся интуитивной очевидности, уточнение его смысла вызывает ряд серьезных трудностей, основные из которых следующие.

(1) Родовым понятием к понятию «наука» является «знание». Но вопрос, что такое знание, существует столько же, сколько существует сама философия. И общепринятого ответа на него не найдено.

(2) Науки делят на естественные, социально-гуманитарные и формальные. Но признаки указанных видов знания не совпадают, а пересекаются. В науках

первого и третьего вида есть общезначимые универсальные законы. В науках второго типа таковые отсутствуют: дело ограничивается фиксацией локальных закономерностей, которые признаются в рамках одной школы и отрицаются в рамках другой. Если пытаться дать общее определение, под которое попадают все три указанных вида знания, то здесь возможны две ситуации. Если определять науку широко, т.е. как результат рационального методического постижения определенной предметной области, то остаются в тени познавательная сила и практическая ценность естественных и формальных наук. Если же определять науку более содержательно, т.е. как объективное системно организованное проверяемое знание, вскрывающее причину изучаемого, то при таком подходе социально-гуманитарные дисциплины наделяются признаками, каковыми они фактически не обладают.

(3) Говоря о мировоззренческом значении науки, а также противопоставляя ее иным способам постижения сущего (например, религии или философии), исходят из существования некоей интегральной системы научных знаний, отвечающей на вопрос об устройстве универсума в его целостности. Как правило, указанную систему именуют научной картиной мира [9, с. 188–231]. Однако, в отличие от конкретных наук, каждая из которых имеет свой собственный предмет и общезначимый метод получения и проверки своих выводов, научная картина мира таковыми не обладает.

(4) Обычно в качестве необходимых признаков научного знания указывается на их объективность и истинность. Но эти два признака не согласуются с представлением о перманентном росте и прогрессе научного знания. Ссылка на концепцию относительной истины ситуации не меняет. Приравнивать истину к мнению научного сообщества или видеть в ней «дочь времени» — значит, лишать ее объективности.

Итак, что же такое наука и как отличить последнюю от иных познавательных практик, причисляемых к наукам лишь номинально? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к творчеству трех крупнейших представителей западной философской мысли — Аристотеля, Бэкона и Канта, — внесших исключительный вклад в создание классической парадигмы научного знания.

Согласно Аристотелю, источником всякого познания являются ощущения [1, с. 440]. Предмет ощущения — единичное, то, что происходит «здесь и сейчас». Благодаря памяти из множества чувственных ощущений одного и того же предмета складывается опыт. «Из часто повторяющихся воспоминаний об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт» [1, с. 345]. Опыт выступает связующим звеном между чувственным восприятием и знанием, основными видами которого, в свою очередь, являются искусство (*τέχνη*) и наука (*ἐπιστήμη*).

«Считать, что Каллию при такой-то болезни помогло такое-то средство и оно же помогло Сократу и также в отдельности многим, — это дело опыта; а определить, что это средство при такой-то болезни помогает всем таким-то и таким-то людям одного какого-то склада — это дело искусства». Таким образом, опыт ограничен сферой единичного, тогда как знание предполагает фиксацию общего, т.е. того, что присуще всегда и везде всем предметам исследуемого класса. В этом смысле знание сверхопытно, ибо всякий опыт ограничен, ведь все случаи он охватить не может, хотя, расширяясь, он к этому и стремится.

Другое существенное отличие знания от опыта заключается в том, что знающий знает причину, опытный же может поступать эффективно, причины не ве-

дая. «Имеющие опыт знают “что”, но не знают “почему”» [2, с. 66]. В связи с приведенным обстоятельством Аристотель сравнивает руководствующихся опытом ремесленников с неодушевленными предметами: «хотя они и делают то и другое, но делают это, сами того не зная (как, например, огонь, который жжет); неодушевленные предметы в каждом таком случае действуют в силу своей природы, а ремесленники — по привычке» [2, с. 66]. Интересно, что в практическом отношении действия «ремесленников» могут оказаться эффективнее действий знатоков. «Если кто обладает отвлеченным знанием, а опыта не имеет и познает общее, но содержащегося в нем единичного не знает, то он часто ошибается в лечении, ибо лечить приходится единичное» [2, с. 65].

Еще одна особенность знания, отличающая последнее от опыта, заключается в том, что искусство и наука передаются с помощью обучения. Опыт же не передается. Транслируемый опыт предварительно должен быть переведен на уровень искусства или науки.

Знание отличается не только от опыта, но и от мнения. Мнение трактуется Аристотелем как результат веры, которая, однако, не исключает наличия определенных рациональных оснований. В отличие от знания, мнение может быть как истинным, так и ложным [4, с. 431], а его предмет — не необходимое, а вероятное или случайное. Необходимо то, что существует «всегда» (человек есть живое существо). Вероятно то, что существует «по большей части» (старики седеют). Случайно то, что существует «редко, без порядка, без закона» (молния во время прогулки). Различая мнение и знание, Аристотель обращает внимание на одну любопытную психологическую деталь: «Ни один человек не считает, что он имеет лишь мнение, когда считает, что дело иначе обстоять не может; он считает тогда, что знает это» [1, с. 312].

Что касается разности искусства и науки, то оно коренится в дифференциации деятельности творческой и теоретической. Цель искусства — создание предмета. Но один и тот же предмет можно сделать разными способами. Иными словами, искусство имеет дело с возможным. Наука же есть «представление общего и существующего с необходимостью... Предмет научного знания — это нечто доказываемое, а искусство имеет дело с тем, что может быть и так, и иначе» [3, с. 178].

Признак необходимости присущ не только объектам научного познания, но и самим научным рассуждениям. Последние носят доказательный характер. Иными словами, элементы научного знания связаны между собой не случайным образом, а необходимым. Аристотель прямо говорит о том, что «наука связана с доказательством» [3, с. 178].

Таковы результаты теоретического осмысления феномена научного знания, представленные в «Никомаховой этике» и «Топике». В то же время, например, в той же «Метафизике», Аристотель нередко называет наукой не только то знание, которое направлено на необходимое, но и на вероятное: «что нет науки о привходящем — это очевидно, ибо всякая наука — о том, что есть всегда, или о том, что бывает по большей части» [2, с. 184]. Примером такого (расширенного) понимания термина «наука» может служить его собственная классификация знаний, где наряду с теоретическими науками (физика, математика) нашлось место и наукам практическим (этика, политика). Таким образом, традиция амбивалентного применения термина «наука» имеет долгую историю, которая продолжается и по сей день. Сегодня, несмотря на существенное различие предлагаемой информации, «науками» называют не только математику

и физику (имеющие своим предметом необходимое), но так же психологию и политологию (направленные на вероятное). Впрочем, характеризуя естественные науки, как правило, называют их точными, отграничивая тем самым от наук, таковыми не являющимися.

Другой важный компонент эпистемологии Аристотеля — деление рассуждений по характеру посылок, эти рассуждения фундирующие. Во всяком рассуждении наряду с выводимой информацией всегда есть информация исходная. Требовать обоснования для всех звеньев рассуждений, утверждает Аристотель, — признак «невежества» [2, с. 126]. Необходимо допустить существование положений, которые не доказываются, а принимаются непосредственно. В противном случае обоснование уходило бы в бесконечность и таким образом ничего не доказывалось бы.

Начала рассуждений делятся на три вида: истинные, правдоподобные и кажущиеся таковыми [5, с. 346].

Истинные начала (они же необходимые, или научные) бывают общие и частные. Общие начала присущи всем наукам. К таковым в первую очередь принципы логики. Частные начала свойственны какой-либо одной (например, определение линии). Истинные начала составляют основу научных рассуждений. Научные, или истинные, начала самодостовверны. Их отрицание ведет к противоречию. В данном случае следует напомнить, что абсолютным началом всех знаний, является для Аристотеля закон недопустимости противоречия. Этот закон («самое достоверное из всех начал») имеет для Аристотеля не только методологический или гносеологический смысл, но также смысл онтологический: противоречивое не существует. «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [2, с. 125].

Второй вид начал — начала правдоподобные. Это положения, принимаемые не столько в силу внутреннего содержания, сколько в силу их авторитетности. В качестве авторитета выступает «большинство» или «мудрые». К разряду правдоподобных относится общепринятое суждение о том, что друзьям следует делать добро, а также суждение Гераклита, что «всё движется» [5, с. 361]. В отличие от истинных начал, отрицание правдоподобных к противоречию не приводит. Рассуждения, основанные на правдоподобных началах, Аристотель именуется «диалектическими».

Третий вид начал — начала, кажущиеся правдоподобными. Аристотель называет эти начала софистическими. Эти начала, хотя и выглядят на первый взгляд истинными, при более внимательно рассмотрении оказываются ложными. «Утверждать ложь — значит, говорить то, чего нет. — Убеждает нас софист Евтидем. — Но говорить о том, чего нет, невозможно. Значит, ложь — вещь невозможная». Здесь нарушается закон тождества: первая посылка (т.е. начало рассуждения) имеет более одного смысла. Ясно, что к разряду софистических начал могут быть отнесены не только отдельные софизмы, но и основоположения целых теорий, казавшихся истинными в силу тех или иных обстоятельств, но на проверку оказавшихся ложными.

Разбор аристотелевской типологии начал позволяет отметить еще одно важное отличие между науками точными и неточными. Специфика последних определяется не только их предметом, но и характером исходных положений: причислять последние к необходимо истинными проблематично.

Итак, научное знание — это: 1) знание о существующем с необходимостью; 2) знание, направленное на общее; 3) знание, указывающее причину изучаемого; 4) знание доказательное.

Эпистемология Аристотеля оказала беспрецедентное влияние на последующее развитие философской мысли. Она доминировала на протяжении всех последующих столетий и оставалась общепринятой вплоть до эпохи Возрождения.

К числу крупнейших теоретиков науки раннего Нового времени относится английский мыслитель Френсис Бэкон. По целому ряду пунктов эпистемология Бэкона созвучна аналогичным построениям Аристотеля. Вслед за Аристотелем, Бэкон учит о том, что источником научных знаний является чувственный опыт. Согласно Бэкону, именно в этом пункте наука отлична от религии, черпающей свои сведения из Откровения [6, с. 199]. Следует Бэкон за Аристотелем и в том, что наука сфокусирована не на единичном, а на общем. Выполняя в науке роль опорных положений, общие понятия являются результатом деятельности рассудка, тогда как чувства ограничены сферой единичного. Указанное обстоятельство отличает науку от истории и поэзии, имеющих своим предметом единичное и опирающихся соответственно на память и воображение. И наконец, вслед за Аристотелем, Бэкон подчеркивает, что наука направлена на выявление причины исследуемых явлений.

Но как открывать причину изучаемого? Ответ на этот вопрос и составляет новизну бэконовской теории знания. Согласно Бэкону, научное познание есть познание методичное. «Наша цель состоит в том, чтобы найти и предоставить интеллекту необходимую помощь, благодаря которой он сможет преодолеть все трудности и раскрыть тайны природы. Ведь ни один человек не обладает такой твердой и опытной рукой, чтобы быть способным провести прямую линию или начертить совершенный круг, тогда как он легко может сделать это с помощью линейки или циркуля. Именно это мы и собираемся сделать; к подобной цели и направлены все наши усилия: с помощью особой науки сделать разум адекватным материальным вещам, найти особое искусство указания или наведения, которое раскрывало бы нам и делало известным остальные науки, их аксиомы и методы» [6, с. 285].

Метод Бэкона, в свою очередь, складывается из двух компонентов: учения об идолах и учения об «истинной индукции».

По учению Бэкона, основной предмет научного познания — природа. Ее объективному отражению препятствуют субъективные предрассудки познающего. «Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений» [6, с. 307]. Эти предрассудки Бэкон называет идолами и делит их на четыре вида: идолы рода, пещеры, рынка и театра.

Идолы рода (под «родом» в данном случае подразумевается «род человеческий») присущи всем людям и возникают из «стремления объяснить действия природы по аналогии с действиями и поступками человека» [6, с. 308]. Что же мы, согласно Бэкону, приписываем окружающим нас вещам? Прежде всего цели. Бэкон категорически не согласен с тем, что у вещей есть назначение. Назначение есть не у самих вещей, а в нашем восприятии вещей. Опять же наш ум вносит в мир порядок и единообразие, которых в нем значительно меньше, нежели нам представляется. К идолом рода относятся также влияние страстей

и обманы чувств. Идолы пещеры — это заблуждения отдельного человека, связанные с особенностями его характера, образования, образа жизни, его личными пристрастиями. Идолы рынка — это слова. Слова — неизменные спутники познания и общения. В подавляющем большинстве случаев мы пользуемся словами, смысл которых темен и неясен. К разряду псевдонаучной контрабанды следует отнести такие понятия, как «судьба», «перводвигатель», «круги планет», «бытие». И наконец, идолы театра — вымышленные картины действительности, под воздействием которых мы видим мир не своими собственными глазами, а глазами авторитетов. Среди великих «театральных постановщиков» Бэкон особо выделяет Аристотеля, Платона и Пифагора.

Автор концепции идолов — один из первых мыслителей, сформулировавший и обосновавший императив объективности научного познания, или, пользуясь современной терминологией, «познания без познающего» (Поппер).

Учение об идолах, предупреждает о том, как познавать природу не следует, и в этом смысле это учение имеет ярко выраженную отрицательную направленность. Положительная часть методологии Бэкона отражена в его учении об «истинной индукции».

Для выявления причины исследуемого явления, составляются три таблицы: присутствия, отсутствия, степеней. В «таблице присутствия» регистрируются разнообразные случаи проявления исследуемого свойства, причину которого ищут. Например, если мы исследуем причину теплоты, то в таблицу присутствия будут включены следующие явления: лучи солнца, молнии, пламя, раскаленные твердые тела, горячие источники воды, тела животных. В «таблице отсутствия» регистрируются примеры, в которых исследуемое свойство не обнаруживается, хотя эти примеры по целому ряду параметров «родственны» случаям, вошедшим в «таблицу присутствия». Скажем, солнце сопоставляется с луной, раскаленные тела — с телами охлажденными, живые организмы — с трупами.

Указанные таблицы позволяют вычленив условия, при которых интересующее нас свойство возникает, параллельно отбросив те условия, которые являются привходящими и несущественными. Если среди выявленных условий есть такие, изменение которых вызывает соответствующие изменения искомого свойства, вероятность того обстоятельства, что данные условия образуют причину искомого свойства, резко возрастает. Для обнаружения указанной зависимости составляется третья таблица — «таблица степеней».

Как явствует из учения об «истинной индукции», согласно Бэкону, научные знания — это всегда знания экспериментальные, при этом целью экспериментов является не только поиск примеров положительных, но и примеров отрицательных [7, с. 113].

Неоценимый вклад в понимание природы и границ научного знания был внесен Кантом. Кантовская эпистемология базируется на двух революционных гносеологических идеях (сам Кант сопоставлял свое учение с учением Коперника) — противопоставлении познанного и познаваемого, с одной стороны, и разграничении сферы обусловленных предметов знания и сферы предметов знания безусловных — с другой. Чтобы понять смысл указанных принципов, рассмотрим основные компоненты кантовской модели познавательного процесса.

Согласно Канту, указанный процесс есть результат взаимодействия двух начал: познающего субъекта, с одной стороны, и независимой от него внешней реальности — с другой. Эта реальность, будучи причиной наших ощущений, остается при этом непознаваемой, что подчеркивается ее названием — «вещь-в-

себе». Что же касается содержания познающего субъекта, то последнее исчерпывается тремя способностями — чувственностью, рассудком, разумом. Рассмотрим первые две из этих трех способностей.

Чувственность есть способность получать представления; рассудок — способность познавать через эти представления предмет. Посредством чувственности предметы даются, а посредством рассудка — мыслятся. Основу чувственного восприятия составляют созерцания (при которых предмет дается нам непосредственно), основу мышления — понятия (последние прямо или косвенно должны относиться к созерцаниям). Чувственность доставляет материал для рассудочной деятельности, которая, в свою очередь, сводится к составлению суждений, или, что то же самое, к соединению (или разъединению) понятий. Обе способности, будучи самобытны, вместе с тем тесно друг с другом связаны, так что мысли без чувств пусты, а чувства без мыслей слепы [8, с. 154–155].

Чтобы начать действовать, указанные познавательные способности должны быть приведены в движение некоей внешней причиной (вещью-в-себе). И в этом смысле нет никаких сомнений в том, что всякое знание начинается с опыта. Вместе с тем было бы типичной наивно-догматической ошибкой полагать, что последний есть точная калька некой объективной реальности. На самом деле опыт есть не что иное, как упорядоченный комплекс наших ощущений, или, говоря иначе, мир явлений (феноменов). При этом основу порядка и связи указанных явлений следует искать не во внешнем мире, а в самом субъекте, а точнее — в изначально присущих ему «трансцендентальных формах». Трансцендентальные формы чувственности — пространство и время. Трансцендентальные формы рассудка — базовые категории мыслительной деятельности, такие как «причина», «необходимость», «единство», «множество», «субстанция» (согласно Канту содержание нашего рассудка исчерпывается двенадцатью таких категорий). Таким образом, мир, который мы видим перед своими глазами, в такой же степени объективен, как и субъективен. Но субъективность, о которой говорит Кант не индивидуальная (как у релятивистов), а общечеловеческая. Только поэтому и возможна наука как значение общезначимое. Примерами научного знания служат у Канта математика и физика. В основании первой лежат трансцендентальные формы чувственности, второй — трансцендентальные формы рассудка.

Как отмечалось выше, третья особая познавательная способность, выделяемая Кантом, — разум. Ее кардинальное отличие от двух предыдущих заключается в том, что чувственность и рассудок «работают» с предметами обусловленными, конечными и относительными, тогда как разум обращен к предметам никаким условиям не связанными. Существование таких предметов (ноуменов) хотя и не дано нам в чувственном опыте (ибо всё данное в опыте всегда обусловлено, конечно и относительно), но требуется умом, поскольку мир явления не мыслимы без того, что эти явления вызывает. Безусловное (оно же — вещь-в-себе) представлено в нашей душе в форме трех идей. Стремясь довершить весь ряд причин (т.е. снять все условия) в сфере внешних явлений, разум приходит к идее мира. Завершая весь ряд причин в сфере явлений внутренних, разум получает идею души. Наконец, снимая все условия (ограничения) от всех явлений вообще разум приходит к идее Бога [8, с. 363].

Принципиальное различие между понятиями рассудка (категориями), с одной стороны, и понятиями разума (идеями) — с другой, заключается в том, что предмет последних ни в каком опыте дан быть не может. А это, в свою очередь, значит, что категории, предназначенные для применения к объектам чувств, к пред-

метам идей неприменимы. Игнорирование этого важнейшего различия лежит в основании всевозможных беспочвенных спекуляций, которые, в свою очередь, в полном соответствии с числом идей могут быть разбиты на три вида. Идея психологическая «дает повод» к возникновению рассуждений, нацеленных на обоснование субстанциональности (независимого существования) души. Идея космологическая служит основанием интеллектуальных конструкций, посредством которых пытаются ответить на вопрос о пространственно-временных границах вселенной или стремятся дознаться, есть ли в мире что-то неделимое (атомы). Наконец, теологическая идея инициирует возникновение всевозможных доказательств (или опровержений) существования Бога.

Согласно Канту, содержание указанных идей объектом научного знания быть не может. А это значит, что всюду, где указанные идеи привлекаются, мы имеем дело не с наукой, а с метафизикой [философией]. К разряду псевдонаук Кант также относит рациональную (сверхопытную) психологию, рациональную космологию и рациональную теологию [8, с. 578–581]. Исходя из логики Канта, в наше время этот список мог бы быть дополнен еще целым рядом когнитивных практик.

Подведем итоги.

1. Научное познание направлено на объективную реальность, поэтому во всякой эпистемологической модели всегда присутствует онтологическая составляющая.
2. Мир, состоящий из единичных случайных фактов, был бы непознаваем (Аристотель, Бэкон).
3. Наука была бы невозможна, при отсутствии общезначимых принципов восприятия и оценки познаваемых явлений (Аристотель, Бэкон, Кант).
4. Наука начинается с опыта. Но в опыте науку интересует не единичное, а общее (Аристотель, Бэкон).
5. Цель науки — открытие необходимых причин, или законов, установленными фактами управляющих (Аристотель, Бэкон, Кант).
6. Корректность научных обобщений гарантируется сознательным поиском отрицательных примеров. Наличие опровергающего примера лишает обобщение необходимости и тем самым научности (Бэкон).
7. Научное знание — знание объективное. Ссылка на личный опыт, авторитет, согласие экспертов обоснованием научных положений быть не может (идолы Бэкона).
8. Познавательный статус социально-гуманитарных дисциплин является дискуссионным (в терминологии Аристотеля эти знания колеблются между диалектикой и софистикой).
9. Наука всегда работает с фрагментами реальности. На предельные вопросы, касающиеся устройства мироздания в его целостности, наука ответить не может (Кант).

Литература

1. *Аристотель*. Вторая аналитика // Сочинения в 4-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
2. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения в 4-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
3. *Аристотель*. Никомахова этика // Сочинения в 4-х тт. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.

4. *Аристотель*. О душе // Сочинения в 4-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
5. *Аристотель*. Топика // Сочинения в 4-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
6. *Бэкон Ф.* О достоинстве и преумножении наук // Сочинения в 2-х тт. — М.: «Мысль», 1977. Т. 1.
7. *Бэкон Ф.* Новый Органон // Сочинения в 2-х тт. — М.: «Мысль», 1972. Т. 2.
8. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения в 6-х тт. — М.: «Мысль», 1964. Т. 3.
9. *Степин В.С.* Теоритическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУДА В РАБОТЕ А.Ф. ЛОСЕВА
«ДИАЛЕКТИКА МИФА»

PHENOMENOLOGY OF A MIRACLE IN A.F. LOSEV'S
WORK «DYALECTICS OF MYTH»

СМИРНОВ Николай Алексеевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии Казанского федерального университета (e-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru)

ЮРИНОВ Владимир Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского федерального университета (e-mail: vol-yurinov1@yandex.ru)

SMIRNOV Nikolay Alekseevich — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social Philosophy of Kazan Federal University (e-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru)

YURINOV Vladimir Yurievich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Philosophy of Kazan Federal University (e-mail: vol-yurinov1@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются размышления о феномене чуда, представленные в работе А.Ф. Лосева «Диалектика мифа». Общей замысел этой работы – вершины раннего творчества Лосева — состоит в попытке пережить миф изнутри и увидеть мир с точки зрения мифа, увидеть всё существующее как миф. Это предполагает, во-первых, критическое переосмысление нашего привычного способа интерпретации мифа, а во-вторых, опыт положительного «вживания» в миф и мифическое сознание. Авторы статьи предполагают, что проблема чуда в диалектических размышлениях Лосева является местом проникновения в мир мифа. Феномен чуда Лосев анализирует с точки зрения собственной апофатической диалектики — пытаясь уйти от всех привычных, естественных трактовок этого явления и выйти к положительному раскрытию опыта чудесного. Это означает увидеть чудо с точки зрения самого чуда, а не с каких-либо внешних позиций. Проблема чуда для Лосева — это космологическая, а не феноменологическая проблема. Это не вопрос о каких-то происходящих или не происходящих особых событиях, а вопрос о том особом взгляде, который видит или не видит все происходящие с нами события особым образом.

Ключевые слова: Миф, чудо, явление, имя, феноменология, неоплатонизм.

Abstract. The article discusses the reflections on the phenomenon of a miracle presented in A.F. Losev's work «The Dialectic of Myth». The general idea of this work, the pinnacle of Losev's early work, is an attempt to experience the myth from the inside and see the world from the point of view of the myth, to see everything that exists as a myth. This implies, firstly, a critical rethinking of our usual way of interpreting the myth, and secondly, the experience of positive «getting used» to the myth and mythical consciousness. The authors of the article suggest that the problem of a miracle in Losev's dialectical reflections is a place of penetration into the world of myth. Losev analyzes the phenomenon of the miracle from the point of view of his own apophatic dialectic — trying to get away from all the usual, natural interpreta-

tions of this phenomenon and come out to a positive disclosure of the experience of the miraculous. This means seeing a miracle from the point of view of the miracle itself, and not from any external positions. The miracle problem for Losev is a cosmological, not a phenomenological problem. This is not a question about any special events happening or not happening, but a question about that special look that sees or does not see all the events happening to us in a special way.

Keywords: *Myth, miracle, phenomenon, name, phenomenology, Neoplatonism.*

Философское творчество А.Ф. Лосева, особенно его ранние работы, остается одним из самых непрочитанных и непонятых. Причина этого в том, что в нем по-прежнему видят, в первую очередь, представителя греко-христианской (утратившей свою актуальность) традиции. Он как смотритель музея или экскурсовод ведет нас по залу с разными старинными, диковинными штуками (вот неоплатонизм, вот Г. Палама, сущность и энергия...), необычными и, может, даже вызывающими восхищение, но не имеющими отношения к действительной жизни. Мы выйдем, довольные своим кругозором, из этого христианско-платонического музея и пойдем в «реальный мир», который совсем другой и к которому все это не имеет отношения.

Но дело в том, что философия Лосева, особенно так, как она изложена в главной его работе раннего периода «Диалектика мифа», представляет собой прямую противоположность музею — это попытка рвануть в жизнь, выскочить на улицу. Картины, которые он рисует нам, — не картины, а окна, и дистанция между нами и ими — не для благополучного музейного разглядывания, а разбег для прыжка. Его христианство — не благочестивая проповедь о вечной жизни, а страстное стремление раскрыть вечность в мгновении настоящего и увидеть, и впустить в нас жизнь как силу, как осуществление, явление и манифестацию. Философия Лосева — не отвлеченная интерпретация культуры, основанной на представлении о вечности, а живая феноменология самой вечности, явившейся и ставшей.

Одной из методологических проблем, препятствующих прочтению Лосева, является, на наш взгляд, понятие диалектики. В кругу философии Гегеля и Маркса диалектика — порядок движения «объективного мира». Противоречие в нем является источником развития социальных, культурных и природных форм (при этом социальные и культурные формы в данном случае понимаются как «натуральные» объекты). У Лосева диалектика получает иное, если не прямо противоположное, значение. Это не движение в развитии «объективного» мира, а движение мысли между двумя отвлеченными крайностями, в их столкновении и несовместимости, к открытию (и даже, скорее, откровению) подлинной реальности. Диалектика для Лосева — это именно диалектическая мысль, прорывающаяся через противоречия абстрактных построений к живой действительности (жизнь, живое — важнейшие, если не самые важные слова для Лосева, и это именно философские категории). В этом смысле диалектика Лосева — это оригинальная версия феноменологии (диалектическая, или, если можно так сказать, апофатическая феноменология), в которой описывается путь преодоления отвлеченных и субъективных представлений и самооткровение явленности жизни. Близкое понимание диалектики Лосева описывает в своей статье «Двери жизни» многолетний помощник и ученик Лосева философ В.В. Бибихин:

«Лосевская “диалектика самих вещей” по слову и по сути то же, что возвращение Гуссерля “назад к самим вещам”, и, в противоположность марксист-

скому приложению диалектического остова к любой реальности, означает, наоборот, слом этого остова. Переосмысленное понятие диалектики призвано у Лосева впредь только поддерживать внимание к *свойству* вещей, их *своей* жизни» [2, с. 671].

«Своя жизнь» вещей — это то, как они существуют помимо всех наших представлений и предположений, подобно «самим вещам» в феноменологии Гуссерля. Собственная суть жизни обращена к нам и явлена во всей полноте, но мы не видим ее, потому что наше сознание по самой своей природе теоретично. В феноменологии Гуссерля эта обыкновенная теоретичность сознания названа «естественной установкой» — это такой порядок сознания, в котором оно функционирует в повседневности, то есть всегда, когда не происходит чего-то необыкновенного, всегда, когда не включается иной режим и иной порядок. В русской религиозной философии эта естественная отвлеченность нашего сознания понимается как вторая, греховная природа человека, в которой как бы устанавливается дистанция между человеком и подлинной реальностью, и человек оказывается разлученным с самим собой (таким, какой он есть на самом деле) и с миром (таким, каким он сотворен Богом). В такой трактовке сознания решающее значение приобретает возможность тематизировать, описывать, осмыслять такие явления, соприкасаясь с которыми мы могли бы погружаться, проникать в дотеоретический (или, как говорят феноменологи, допредикативный) план существования. Таким явлением, например для Гуссерля, было само сознание (переключенное в режим «феноменологической установки»), а для Хайдеггера — бытие. В философии раннего Лосева этот подлинный опыт описывается как феномен мифа. В данном случае это не культурно-историческая категория, не мировоззрение «древних» людей, еще не обладавших абстрактным мышлением, — это первичный внутренний строй, лежащий в основании любого человеческого опыта. В сущности, прямо противоположное расхожему представлению — не древнее, а, напротив, самое настоящее (более настоящее, чем «современность» в исторической горизонтальной), не выдуманные легенды и сказания, а то, что более всего реально. Это сама живая действительность, скрытая за всеми теоретическими конструкциями, некий исходный опыт непосредственной вовлеченности человека в мир. Привычные для нашего отвлеченного сознания противопоставления не работают в интерпретации этого опыта: он не теоретический и не практический, не субъективный и не объективный. Это сказание, но такое, которое есть сама реальность, и это сама реальность, но такая, которая неотделима от выражения, произнесения, высказывания. Поэтому в мифе, утверждает Лосев, всегда доносится до нас голос исходной полноты бытия, утраченной, но искомой, из которой все вышло и к которой все вернется. К которой в конечном счете все сводится. Она всегда недостижима, трансцендентна, далека, и в то же время немислима и непредставима иначе, как уже достигнутая, совершившаяся, ставшая реальность. Диалектика Лосева — это способ чтения этой парадоксальности, сочетания несочетаемого в событии жизни. Об этом говорит в своей работе «Лосевская концепция предикативности» крупнейший исследователь А.Ф. Лосева Гоготишвили Л.А.:

«В отличие от сферы логоса в диалектике смыслы не «вложены» аналитически друг в друга и не соположены, а внеположены. Появляясь и связываясь на поле феноменологического мышления по совершенно иным законам... феноменологическое по установке диалектическое мышление непосредственно усматривает, согласно Лосеву, сущностные самопредикаты этих эйдосов...

эти непосредственно усмотренные самопредикаты оказываются не просто внеположными, но антиномичными» [4, с. 695].

Размышления в «Диалектике мифа» прокладывают синхронно два смысловых пути (оба диалектичны в указанном нами значении — идут от отвлеченных крайностей к живой действительности). Первый — попытка понять миф изнутри самого мифа, в отказе от сциентистских, рационалистических, моралистических и т.д. трактовок. Это означает, что миф представляет собой такую реальность, которая не может быть предметом познавательного отношения в привычном для нас смысле. Понимание мифа неотделимо от самой мифической жизни. Познавать миф означает быть внутри мифа, быть самим мифом или осознать себя как миф. Это знание, неотделимое от самого существования познаваемого явления. Нельзя понять миф со стороны, как некий внешний объект, но только узнав себя в нем. Интерпретация мифа превращается в интерпретацию себя в миф. Не мы истолковываем миф с той или иной точки зрения, а миф истолковывает нас как мифическое существо, наше сознание как мифическое и всю нашу жизнь как миф.

«Не зная, что такое миф сам по себе, мы не можем говорить и об его жизни в той или другой иноприродной среде. Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом. Надо вообразить, что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический, что вообще на свете только и существуют мифы». [8, с. 8].

В приведенном фрагменте содержится указание на второй, менее явный, но более серьезный путь, раскрывающийся через первый. На этом втором пути миф раскрывается как сама подлинная и живая действительность, обнаруживаемая в преодолении отвлеченных представлений о жизни вообще (в преодолении отвлечения как способа мировосприятия). Оставляя внешние представления о мифе и проникая в сам миф, мы оставляем отвлеченность вообще и проникаем в саму жизнь, которая и есть миф. Лосевская критика научных и рационалистических представлений о мифе оказывается тогда критикой научности и рациональности вообще, а миф — самораскрытием живой действительности. Если мы оставим все отвлеченные представления о мифе и увидим его как бы дотеоретическим взглядом, то мы, обнаружив себя в мифе, откроем сам миф не просто как явление культуры, а как некий иной способ существования. Беспредпосылочное прочтение мифа означает преобразование самого читающего. Поэтому Лосев не останавливается на чисто апофатической работе и переходит к описанию положительного опыта мифа, который есть опыт вхождения в жизнь, прикосновения к живому, встречи с явлением жизни, являющей себя нам поверх всех абстрактных и субъективных представлений. Этот переход совершается на обоих путях, которыми идет «Диалектика мифа» — в переходе от апофатических формул («миф не есть выдумка или фикция», «миф не есть бытие идеальное», «миф не есть метафизическое построение»...) к положительным («миф есть чудо», «миф есть развернутое магическое имя»), а также в переходе от отвлеченного восприятия жизни к непосредственному вживанию в нее. Это заново переживаемое рождение в жизнь и есть событие мифа.

В положительном описании этого вживания Лосев использует понятие, которое крайне редко употребляется в философии. Однако именно оно становится узловым центром в его диалектическом опыте — в этом понятии апофатическое описание переходит в положительное переживание и становится точкой соприкосновения с живой реальностью. Это понятие чуда. Именно в размышлении

о чуде («миф есть чудо», «обозрение всех диалектических моментов мифа с точки зрения понятия чуда») взгляд на миф разворачивается с внешне-апофатической стороны к внутреннему положительному самовосприятию в мифе. Здесь достигают цели оба смысловых пути, обозначенных нами — исследовательское проникновение в миф и вживанию в мифологию самой жизни.

Другой самобытный русский философ, размышлявший о феномене мифа, Я.Э. Голосовкер, также описывает сущность мифа через чудо. В работе «Логика античного мифа» он говорит об особой «логике чудесного», рождающей миф со стороны его динамической структуры, «метаморфозы его образов и их движения по кривой смысла» [5, с. 100]. Так же, как и Лосев, Голосовкер настаивает на том, что миф разумен, что он имеет свою логику, структуру, которая не просто есть другая логика (а не отсутствие логики), а именно более фундаментальная, онтологически первичная логика по отношению к логике научной. Чудесное составляет способ связи этой исходной логической структуры и основывается, в свою очередь, на самой главной человеческой способности — на акте воображения. Действие воображения — это не «примитивное мышление, а высшая форма мышления, как деятельность одновременно творческая и познавательная» [5, с. 103]. То есть некий единый первоначальный акт, в котором творение мира и восприятие мира неотделимы друг от друга, и само творчество является способом абсолютного познания, преодолевающим свойственные логике здравого смысла границы и противопоставления (между познанием и существованием, между действием и мыслью, причиной и следствием, пространственные и временные расстояния). В мире чудесного «существуют только безусловные условия и последовательность непоследовательностей» [5, с. 110], «связанные между собой только абсолютной свободой и силой желания, т.е. творческой игрой воображения, играющего роль естественной необходимости» [5, с. 109].

Почему же у Лосева именно чудо является местом проникновения в допредикативное, открытое миру восприятие?

Чудо по самой своей сути есть то, что невозможно воспринимать статически, к чему нельзя приспособиться, привыкнуть, с чем нельзя сладить. Явление, с необходимостью меняющее нас. Это первое условие его явленности, сущностно неотделимое от него — оно становится воспринимаемым потому, что изменило само наше восприятие, его норму, его границы. Чудо — это явление, заряженное преобразующей силой и не воспринимаемое вне воздействия этой силы. Поэтому у Лосева миф, переосмысленный с точки зрения чуда, понимается как воплощающее магическое действие, как событие творчества.

«...миф есть имя. Но миф, сказали мы, есть еще чудо. Этот третий момент нашей последней формулы также легко присоединяется к полученному более сложному понятию. Именно, получается чудесное имя, имя, говорящее, свидетельствующее о чудесах, имя, неотделимое от этих самых чудес, имя, творящее чудеса. Мы будем правы, если назовем его магическим именем» [8, с. 196].

В пространстве чудесного (то есть внутри мифа) свидетельство и творение — одно и то же. Миф есть магическое единство слова, мысли и действия, а чудо есть тот необыкновенный способ связи, которым осуществляется это единство. Миф ураганом разворачивается из мгновения сотворения мира, и в этом мгновении нельзя различить взгляд, видящий происходящее событие и осуществление самого события. Миф — это рассказ, который и есть то, о чем он рассказывает. Внутри этого нераздельного единства сказываемое и совершающееся соприкасаются каким-то особым образом, ненаблюдаемым со стороны.

Это неуловимое, ускользающее, неопределимое сочетание того, что и так уже не различимо, — и есть чудо. Для того чтобы через чудо мы могли проникнуть в миф, мы должны (так же, как и вообще с мифом) отказаться от «внешних» интерпретаций чуда — пережить чудесное изнутри, увидеть мир в свете чудесного. Этот поворот означает, что мы должны отказаться от позитивистских и рационалистических представлений о чуде, с точки зрения которых чудо есть нарушение законов природы и законов логики, — событие, которому нет «естественного» объяснения. Однако в равной степени неприменимо к феномену чуда и традиционное религиозное представление о чуде как о «вмешательстве высших сил». С этим представлением неизбежно связано иерархическое восприятие жизни, в то время как чудо (и жизнь вообще с точки зрения чуда) принципиально не иерархично.

«Можно прямо сказать, что нет даже степеней чудесности, что все в одинаковой мере чудесно. Но только к этому надо прибавить, что каждая вещь существует лишь как модус той или другой стороны в упомянутом личностном бытии, и велика и мелка она в силу того, чего модусом она является. Это приводит будто бы к разной чудесности эмпирического бытия. На самом же деле совершенно ясно, что чудесность как таковая совершенно одинакова везде и что различен лишь ее объект. Весь мир и все его составные моменты, и все живое, и все неживое одинаково суть миф и одинаково суть чудо» [8, с. 183].

Любая внешняя точка зрения будет предполагать иерархию и степень. Когда мы объясняем чудо вмешательством в жизнь высших сил, мы точно так же сможем на него со стороны, скованные его непривычностью и несоизмеримостью наших способностей восприятия. В этой трактовке чудо также описывается извне и отрицательно — как отсутствие причинной связи и невозможность объяснения. Но самое главное — экзистенциальная сторона этого внешнего взгляда — наша онтологическая ограниченность и связанная с ней неспособность прямого, положительного переживания чуда. Мы слишком привязаны к нашим собственным меркам и потому не можем увидеть несоизмеримое нам иначе, чем несоизмеримое (то есть, увидеть так, чтобы вообще не думать ни о каких мерах, увидеть не измерительным взглядом). То, что мы называем порядком, логикой, связью, полностью определяется конечностью и ограниченностью нашего сознания. Взгляд, видящий во всем действие высших сил, устроен точно так же, как и взгляд, видящий во всем действие человека или действие естественных причин (это равно неожиданно и для тех, кто полагает, что все представляет собой действие естественных причин, — узнать, что они видят мир так же, как и те, кто видят в нем действие высших сил). Все эти точки зрения одинаково отнимают у действия возможность быть чудом, утверждая внешнюю меру, причину или смысл, посторонний по отношению к самому действию. Они видят всякое действие в перспективе структурно-организованного, упорядоченного рассудком и понятного мира, и действие оправдывается только тем определенным местом, которое занимает этом мире. К которому оно прикреплено, к которому оно сводится в установленном порядке. Они не могут увидеть действие как Действие, происходящее само собой, не имеющее внешних причин, смыслов, не имеющее места в мире, но само создающее для мира и место, и смысл. То есть не могут увидеть событие как нечто самоутверждающееся, самодовлеющее, само собой осуществляющееся. Чудо не может быть ничем иным, кроме как таким Действием без действующателя и причины, событием, не встроенным в космический порядок.

Рационалистический взгляд на мир требует от чуда (то есть, требует вообще от всех явлений, чудо в данном случае — явление, не выполняющее эти требования) возможности быть встроенным в упорядоченную иерархическую структуру представлений. С этой точки зрения положительно данным и описанным может быть только то, что имеет место и является звеном какой-то системы связей. Однако, чтобы пережить чудо изнутри и увидеть само чудо и весь мир с точки зрения чуда, требуется иное понимание того, что такое «положительное» и что может быть воспринято положительно. Это один из главных мотивов русской религиозной философии, начиная с В.С. Соловьева, — переосмысление категории «положительности».

У Лосева это связано с проблемой проникновения в миф, и формой осуществления этой «другой» положительности (положительной данности) становится чудо. Лосев описывает эту положительность как явление, проявление, выход на свет, самообнаружение. Спасительная новизна чудесного поражает и преображает свидетеля чуда, (заново) рождающегося в миф. Без этого обновления событие чуда невысказуемо. Описывая положительное содержание этого обновляющегося события, Лосев интерпретирует миф об исцелениях, совершенных Асклепием.

«Все знали, что Асклепий — бог здоровья и помогает больным. Все знали, что он помогает даже тогда, когда ему никто не молится о выздоровлении. Наконец, все знали, что жрецы употребляли всякие медицинские средства для вылечивания приходящих больных, вплоть до их оперирования. И все-таки такое исцеление в святилище Асклепия есть чудо. Почему? Потому что *стало видно*, как Асклепий помогает больным» [8, с. 167].

Нам представляется, что проблема чуда состоит в вопросе о том, есть чудо или его нет, в каком-то особом факте, событии или действии, которое совершается или не совершается. Но дело не в том, есть чудо или его нет, дело в том, что даже если оно есть, то мы живем так, как будто его нет. Или, говоря иначе, даже если есть чудо, то мы его не видим. Вопрос о чуде — это вопрос о том, как мы видим все происходящие с нами действия и события, а не о том, какие события и действия происходят, а какие нет.

«...новое, наблюдаемое сегодня, заключается не в том, что сегодня Асклепий действовал, а вчера нет (боги действуют всегда), и не в том, что сегодня были нарушены физиологические законы, а вчера их никто не нарушал (законы всегда одинаковы, и их и нельзя нарушать и некому нарушать). Новое — в том, что сегодня стала ясной, видимой обычно плохо замечаемая связь реальной жизни больного с ее идеальным состоянием, когда она, по близости к божеству, пребывает в вечно блаженном и безболезненном состоянии» [8, с. 168].

Чудо — это не что-то отдельное среди существующего, а особая форма данности всего существующего. Момент, когда оно является, — не выводимый ни из чего предшествующего, обрушивающийся на свидетеля (того, кто видит чудо) из абсолютной непредсказуемости и поражающий его. Самой своей сутью это явление меняет взгляд, расширяет его границы. Чудо — это явление, преображающее свидетеля этого явления. И в этом смысле чудо есть как бы явление явлений, самое являющееся явление, или явление, в котором является сама явленность. Когда мы видим новое, мы видим его именно потому, что «стало видно», а не потому, что мы что-то сделали для этого. Точно так же мы не видим потому, что «не видно», то есть нет возможности видения. «Стало видно» означает превосхождение, преображение наших воспринимающих возможно-

стей. В этом смысле все видимое есть чудо и все чудесное есть видимое, видное. В нем осуществляется идеальная сущность в конкретном, живом, чувственном событии. Именно нерасторжимость, нераздельность идеального и реального в событии воплощения идеального в реальном. Можно сказать, что чудо — это *проявление* сущности. Сам единичный, конкретный факт этого проявления. Выход на свет внутренней сути. Того, что скрыто. Явление тайны, оставляющее ей быть тайной. Живое чувство присутствия таинственного и таящегося. Поражающего и несущего собой спасительное удивление.

«Самое слово “чудо” во всех языках указывает именно на этот момент удивления явившемуся и происшедшему — греч. *qaama*, лат. *miraculum-miror*, нем. *Wunder-bewundern*, славянское *чудо*» [8, с. 168].

В этом смысле чудо представляет собой некое послание, обращенное к свидетелю чуда, захваченному им. Это явление, говорящее нечто своей явленностью, сообщающее что-то самим собой, самим своим существованием, вышедшим на свет, явившимся. Можно сказать, что чудо — это явление, являющееся вопросом, ответ на который — тот новый взгляд, которым мы видим это. Тот новый взгляд, для которого это «стало видно».

«Чудо обладает в основе своей, стало быть, характером извещения, проявления, возвещения, свидетельства, удивительного знамения, манифестации, как бы пророчества, раскрытия, а не бытия самих фактов, не наступления самих событий» [8, с. 168].

Поэтому вопрос о чуде — это не вопрос о совершившихся или не совершившихся фактах, а вопрос об истолковании, о герменевтике нашего опыта. То есть вопрос о том, что такое сам свидетель чуда, и его свидетельство и будет ответом на этот вопрос.

«Это — модификация смысла фактов и событий, а не самые факты и события. Это — определенный метод интерпретации исторических событий, а не изыскание каких-то новых событий как таковых. Верящего в чудо ничем опровергнуть нельзя. Даже слово “вера” тут не подходит. Он видит и знает чудо» [8, с. 168].

Нам представляется, что фигура «видящего чудо», или, как мы сказали, «свидетеля чуда», в этой развиваемой нами на основе диалектики Лосева феноменологии чуда будет структурно-типологически чем-то подобным «трансцендентальному ego» Гуссерля или «*dasein*» Хайдеггера. Это фигура свидетеля явления, который сам возникает вместе с явлением и не существует помимо захваченности этим явлением. Это абсолютно новый субъект, созданный самим явлением, неотделимый от явления. Субъект, в котором нет больше никакой субъектности, вся субъектность которого сводится к тому, чтобы быть свидетелем. Или, если говорить на языке христианской антропологии (язык, столь же значимый для Лосева, как и язык феноменологии), новый человек, рождающийся в чудесном и полностью пребывающий в нем как соучастник или даже творец его проявлений. Поэтому для Лосева феномен чуда неотделим от феномена личности. Личность есть инвариантная внутренняя структура всего чудесного. То, что чудесно по самой своей сути. Чудо есть столкновение двух личностных планов — идеальной структуры, как бы божьего замысла жизни, ее сущностного рисунка, запечатленного в вечности, и череды совершающихся в личной жизни событий, длящихся во времени, составляющих человеческую биографию. Жизнь есть проявление и переплетение этих двух сторон — идеального замысла и реального осуществления. Чудо — экзистенциальное единство в явлении личности этих двух сторон жизни (не пересекающихся больше нигде).

Чудо, увиденное изнутри, представляет собою не нарушение порядка, а проявление некоего иного порядка, обращенного к нам и требующего иного истолкования явлений и событий, происходящих с нами. Чудо в смысле явления — это именно требовательный зов или обращение, меняющее того, кто его слышит. Меняющее сам взгляд, сам способ восприятия. И значит, это не какое-то отдельное событие, не укладывающееся в какие-то привычные рамки, а новый мир, отменяющий рамки и устанавливающий иной, новый порядок жизни и мысли. Чудесное явление, представляющееся нам нецелесообразным, на самом деле есть возведение, весть о новой целесообразности, которая уже правит нашим обновленным вниманием. Лосев называет чудо «мифической целесообразностью» [8, с. 183], то есть, тем новым строем, который осуществляется в мифе вместо прежнего (не применимого к мифу) рационалистического, отвлеченного порядка. Связь, закон, причина, следствие, основание — все это «не работает» в интерпретации мифического и не пускает нас проникнуть в миф. На месте всего этого в мифе (в нашем прочтении мифа) вспыхивает явленность чудесного (чудесность явленного), и мы оживаем в нем (и все оживает в нем).

Список литературы

1. *Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова. — СПб.: Наука, 2008. — 420 с.
2. *Бибихин В.В.* Двери жизни // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют / сост. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий; общ. ред. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1999. — С. 670–684.
3. *Бибихин В.В.* Язык философии. — М.: Прогресс, 1993. — 404 с.
4. *Гоготшвили Л.А.* Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют / сост. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий; общ. ред. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1999. — С. 684–702.
5. *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. — 496 с.
6. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос: сборник / вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, с. 5–30; послесловие В.П. Троицкого, Л.А. Гоготшвили, с. 882–923; комментарии И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.
7. *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют / сост. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий; общ. ред. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1999. — 719 с.
8. *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1994. — 919 с.

И.А. Аймалетдинова

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА В ТУРЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ

ANTHROPONYMIC FORMULA IN THE TURKISH TRADITION

АЙМАЛЕТДИНОВА Ильсияр Аликовна — старший преподаватель кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

AİMALETDİNOVA İlsiyar Alikovna — Senior Teacher of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

Аннотация. Данная работа посвящена лингвостилистическому анализу антропонимической формулы турецкого языка, а также особенностям имя-наречения. Турецкие имена отражают религиозную, моральную, этническую, социально-экономическую и социокультурную структуру. Турецкая антропонимика мало изучена, и поэтому имеет большой интерес среди исследователей и тех, кто изучает турецкий язык, в этом заключается актуальность работы. Материалом исследования послужили фамилии из сериалов и художественных фильмов, художественных произведений, газетных статей и различных документов. Методами исследования послужили описательный метод, статистический, метод сплошной выборки, а также отдельные приемы психолингвистического метода. Автор приходит к выводу, что происхождение турецких имен довольно разнообразно, однако турецкий именовослов в большей степени своей состоит из арабских, турецких и персидских имен и в меньшей — из европейских.

Ключевые слова: антропонимика, турецкий язык, лингвокультура, личные имена.

Abstract. This work is devoted to the linguistic and stylistic analysis of the anthroponymic formula of the Turkish language, as well as the peculiarities of naming. Turkish names reflect religious, moral, ethnic, socio-economic and sociocultural structures.

Key words: anthroponymy, Turkish language, linguistic culture, personal names.

Актуальность темы исследования определяется: 1) развитием диалога культур и общей тенденцией развития лингвистики, которая от простого описания языковых явлений переходит к выявлению их сущности и природы; 2) недостаточным количеством работ, рассматривающих данную тему в турецком языке в совокупности культурных, лингвистических и социальных факторов с точки зрения лингвокультурологии, с учетом имеющихся культурных контекстов; 3) слабой изученностью турецкой антропонимики. В силу последнего обстоятельства тема вызывает большой интерес среди исследователей и тех, кто изучает турецкий язык.

Материалом исследования послужили фамилии из телевизионных сериалов, художественных произведений, газетных статей и различных документов.

В антропонимике любого народа, в том числе и тюркских народов, отражается культура. С одной стороны, имена создаются, опираясь на родной язык и духовную культуру народа. При этом изменение имен происходит под воздействием тех или иных фактов, связанных с духовной и материальной культурой. В одних национальных именах исторический и культурный фактор выражен больше, в других меньше, но довольно сложно найти имя, которое никак не было бы связано с культурой. Чтобы понять антропонимическую формулу турецкого народа, необходимо упомянуть, что существует три типа антропонимических формул или систем.

1. *Антропонимическая система мифологического типа.* Эта система чаще всего встречается у традиционных обществ. Ю.М. Лотман считает, что мифологическая система относится к временным, территориальным, национальным признакам, и также к самой концепции имени, как раз таки связанной с сознанием и мышлением людей. Именно в данной системе проявляется синкретическое отношение к имени. Синкретизм — это нерасчлененность, слитность, которая характеризуется первоначальным, неразвитым состоянием чего-либо. В антропонимике он выражается в восприятии имени в нерасчлененной целостности с той реалией, которую оно обозначает. Из этого следует, что, если реальность народа меняется, то меняется и антропонимикон. В этой системе отсутствует список личных имен, а сами антропонимы имеют прозрачную внутреннюю форму. То есть, если обобщить вышесказанное, можно сказать, что значение антропонимов в мифологических системах сводятся к мифам [2, с. 62].

2. *Ономастическая система теоцентрического типа.* Эта антропонимическая система связана с религиозным мышлением. Имя является воплощением религиозного мифа, а его выбор диктуется религией. В именах данной системы часто существует некая связь с Богом и святыми той или иной религиозной традиции. Поэтому обычно в ономастических системах принятие новой веры означает принятие нового имени. Также в антропонимическом списке данной системы существует ограниченное количество имен, и выбирается оно чаще всего согласно дате рождения.

3. *Ономастическая система антропоцентрического типа.* В этом типе системы антропоним является условным знаком, то есть форма имени произвольна по отношению к содержанию. Главная его функция — это юридическая. Это значит, что имя в большой степени является подтверждением личности носителя с точки зрения закона и нечем больше.

Существует распространенное мнение о том, что этапы этих систем сменялись друг за другом и тем самым указывают на развитие человеческого общества. В действительности это не совсем так, а данное мнение больше всего относится к анализу имен западноевропейских языков.

Что касается турецкого языка, то можно сказать, что мифология, а также религия в турецком антропонимике играет довольно значимую роль. По нашему мнению антропонимическая система турецкого языка больше всего относится к совокупности двух типов — мифологического и теоцентрического.

Сам по себе тюркский ономастикон меньше всего подвергался изменению под влиянием исторических и социокультурных факторов. То есть он в большей или меньшей степени сохранил свои древние традиции имянаречения. В тюркских культурах наиболее популярны имена, где присутствуют благопожелания и обереги: *Ulug* (великий), *Tursun* (пусть живет), *Candan* (милая, искренняя). Среди других особенностей можно отметить следующие: а) наличие заимство-

ванных монгольских, иранских, персидских, а также современных европейских имен. Например, *Cengiz* (монг., вариант имени монгольского императора Чингисхана), *Mihriban* (персид.), *Bora* (итал.); б) существование имен, в настоящее время точно не этимологизируемых: *İlke*; в) наличие собственно тюркских имен, не меняющихся и сохраняющихся в употреблении порой на протяжении нескольких столетий: *Aslan* (лев), *Ateş* (огонь), *Aytaç* (лунная корона).

Что касается самой турецкой антропонимической системы, то она состоит из двух, а иногда и трех компонентов: имени + фамилии или же первого имени + второго имени + фамилии. В Турции второе имя называется *göbek adı* или *göbek ismi*, что переводится как «имя пуповины», то есть то имя, которое обычно давали при обрезании пуповины [1, с. 21]. Например, такое имя, как *Ali Kemal*. Однако в случае двух имен какое-то одно из них почти никогда не используется, турки обычно пользуются одним именем, а второе существует только в документах. В основном это зависит от самого носителя имени и его окружения. Например, писатель *Ferit Orhan Pamuk* известен как *Orhan Pamuk*. Иногда при общении употребляется второе имя, то есть то, которое находится между первым именем и фамилией. Также, согласно Государственному собранию, если у турецкого ребенка имеются два имени, то хотя бы одно из его имен должно быть турецкое [5, с. 23]. По закону о фамилиях (*Soyadı kanunu*) у человека может быть не более двух имен. Порядок личных имен отличается от привычного нам, например, в русском языке сначала следует фамилия, затем имя и отчество (*Иванов Александр Петрович*). В турецком же языке на первом месте имя, а на втором фамилия (*Ahmet Kaya*). В полном виде фамилия указывается после всех имен везде, кроме официальных документов, связанных с вопросами регистрации, где используется международная форма: фамилия + имя.

Имена в турецком языке имеют особый смысл и несут уникальную информацию о своем носителе. Большинство традиционных имен имеют характерные отличия, связанные со смыслом, который родители вкладывают в значение имени. Исключения составляют онимы других народов. Имена арабского и персидского языка занимают огромный пласт в турецком антропонимиконе. Например, религиозные семьи часто дают имена арабского происхождения в качестве второго имени. Обычно это имена особых фигур Ислама, такие как *Muhammet* и *Ali*, но имя *Muhammet* со временем видоизменилось в турецком языке. Оригинальное арабское имя *Muhammet* в турецком трансформировалось в *Mehmet*.

Следует заметить, что под влиянием политических, экономических и культурных факторов турки в настоящее время стали более индивидуальными и независимыми, чем в прошлом. В настоящее время могут использоваться имена не только из турецкого, арабского или персидского языков, но и из европейских. Однако даже при такой свободе в выборе имен все же есть некоторые правила, которые не следует забывать. Например, в 1928 году в Турции был принят закон о принятии турецкого алфавита, поэтому в настоящее время Конституцией Турецкой республики предусматривается, что в свидетельстве о рождении могут быть использованы только буквы турецкого алфавита. Поскольку в турецком языке нет букв, созвучных с латинскими буквами, такими как *Q*, *W* и *X*, иностранные заимствованные имена, которые содержат данные буквы, не могут быть официально зарегистрированы на территории Турции. Для этого необходимо транслитерировать имя на турецкий язык. Если сделать это невозможно, необходимо выбрать второе имя, обязательно турецкое.

Обычно в турецкой традиции имянаречения мальчикам дают имена, которые наделяют их сильными качествами: *Onur* (честь), *Erol* (быть мужчиной), *Celal* (величие), а девочкам — мягкие, благозвучные: *Sanem* (красивая женщина), *Leyla* (очень темная ночь), *Melahat* (красота).

В Турции нельзя называть новорожденных именами злых духов. На некоторых из таких имен даже лежит религиозный запрет. К таким именам относятся: *Haffav* (пугающий людей), *Valha* (тот, кто заставляет сомневаться). Интересно, что наряду с именами злых духов под запрет попали и имена, принадлежащие ангелам. Если запрет на имена злых духов понятен, то запрет на имена ангелов объясняется уважением. По этой же причине именами в Турции не могут быть описания Аллаха. Турецкие имена, как мужские, так и женские не могут быть образованы от слов, которые подразумевают под собой поклонение кому-либо, кроме Всевышнего. Также очень редкими считаются имена, с артиклем «-al (-аль)» в составе имени, которое означает «единственный» (*Al-Ahad*), эти имена превозносят человека, что строго запрещено религией. Если рассматривать имена с точки зрения религии, то считается, что мусульманин должен носить имя, принадлежащее его культуре, которое к тому же в идеале должно быть упомянуто в Коране. Поэтому на европейских именах должно стоять табу. Однако, несмотря на это, в последнее время наряду с национальными именами становятся популярны имена, заимствованные из европейских языков. Таким образом, среди традиционных в Турции имен можно встретить имена разного происхождения: греческие имена *Melissa* и *Defne*, итальянское *Bora* и т.д. Но большинство турок остаются верны своим традициям.

Мир турецких имен довольно разнообразен и, естественно, большинство этих имен имеют гендерную специфику, то есть делятся на чисто мужские (*Osman*, *Yiğit*, *Samet*) и женские (*Nihan*, *Şirin*, *Filiz*). Но в турецком антропонимиконе есть места для имен, подходящих и мужчинам, и женщинам (*Deniz*, *Cihan*, *İsmet*). Помимо этого, иногда братья и сестры носят созвучные имена (*Aslan — Kaplan*, *Umran — Umay*).

В турецкой системе наименования есть особенность — возможность использования личного имени во множественном числе, чтобы указать на целую семью [3, с. 8]. Например, *Osmanlar nihayet geldi* (Осман и его семья, наконец, пришли).

Несмотря на то, что существует огромное разнообразие имен, в турецкой традиции нет возможности использования личного имени в качестве уважительного обращения на «Вы», поэтому для этого приходится прибегать к словам-обращениям, указывающим на вежливую форму — это *bey* (господин) и *hanım* (госпожа).

Что касается турецких фамилий, то большинству из них нет еще и ста лет. В Турции до 1934 года не существовало такого понятия, как «фамилия». Ранее люди идентифицировали друг друга при помощи имени и прозвища. Мужчины просто добавляли частицу «-oğlu», что значит «сын» к имени своего отца, например, *Ali-oğlu Hasan*. А привилегированные турки использовали частицу «-zade», значащую «потомок мужской линии» или использовали в начале имени прозвище семьи [5, с. 19].

Фамилии в Турции введены законодательно 21 июня 1934 г. первым президентом Турецкой республики Мустафой Кемалем Ататюрком. Закон был принят в начале июля 1934 года Национальным собранием. Согласно ему все граждане страны обязывались принять официальную фамилию и передавать

ее своим детям из поколения в поколение. Обычно старший в семье мужчина выбирал фамилию своей семье, но в крайних исключениях это могла сделать женщина [5, с. 17]. В случаях, когда граждане страны не могли выбрать себе фамилию, правительство в лице главы провинции подбирало семье фамилию на основе некоторых признаков, идентифицирующих ту или иную семью. Например, это могло быть название деятельности главы семейства, его прозвище или место проживания семьи. Так как огромная часть населения страны носила только имена, это вносило много путаницы и не соответствовало новому государственному строю. Обсуждался также вопрос о том, какое слово следует использовать для обозначения своего рода. В итоге было выбрано слово «*soyad*». *Soy* — происхождение + *ad* — имя = имя происхождения. Всем было интересно, какую фамилию выберет себе глава страны. 24 ноября 1934 года был предложен вариант «Ататюрк», что буквально переводится как отец турок. Необходимо отметить, что данная фамилия являлась единственным исключением из правил, то есть ее мог носить только Мустафа Кемаль, она не могла передаваться его потомкам. В своей статье Фалих Рыфки описал данную фамилию таким образом: «Ататюрк — это несчерпаемый источник, как вода, бьющая ключом и летнее солнце, оживляющее все вокруг» [4, с. 337].

В Законе о фамилиях прописано не только использование официальных турецких фамилий без греческих, арабских, и каких-либо других окончаний иностранного происхождения, но также и то, что не могут быть использованы имена кланов или племен. Кроме того, имена не могут дублироваться в одном районе, и в случае возникновения разногласий семья, зарегистрировавшаяся первой, имеет право сохранить заявленное имя. Фамилия пишется одним словом, она не меняется в зависимости от пола и переходит к детям по мужской линии, то есть от отца или деда. Женщина при замужестве обязана была брать фамилию мужа. Однако с 2014 года было введено несколько изменений, в частности, женщинам было разрешено оставлять девичью фамилию. Они могут носить двойную фамилию при условии, что после девичьей фамилии следует фамилия мужа. Помимо этого, если ребенок является внебрачным и отец его не признает, то мать имеет право дать ребенку свою фамилию.

Обобщая сказанное, отметим, что используемые имена указывают на эмоциональную и ментальную систему общества. Имена отражают религиозную, моральную, этническую, социально-экономическую и социокультурную структуру. Имена, даже забытые сегодня, способны определять и дополнять нашу идентичность, и имеют важное значение с точки зрения культуры, истории, социальной памяти и лингвистики.

Имена несут в себе богатую коннотацию, присущую культуре, к которой они принадлежат. Можно понять социальный статус семьи, лишь узнав имена ее членов, например, если в семье присутствует человек с *Yıldırım* (молния) или *Yağmur* (дождь), это значит, что семья верит в силу природы, ее мистический дух. В случае, если имя религиозное, вроде *Ali* или *Eda*, то можно с уверенностью сказать, что семья довольно набожна. Именно поэтому так важна роль лингвокультурологии; через имена она помогает раскрывать тайны, заложенные культурой в сознание того или иного народа.

Список литературы

1. *Галиуллина Г.Р.* Тюрские традиции в антропонимическом пространстве современных тюрских языков // Астана: Тюркская академия, 2012. — С. 67–95.
2. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. — Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин: Александра, 1992. — С. 59–75.
3. *Напольнова Е.М.* Система обращений в современном турецком языке // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2015. — Вып. 4. — С. 18.
4. *Atay Falih Rifki.* Çankaya. — İstanbul: Pozitif Yayınları, 1961. — С. 656.
5. *Dokuyan S.* Soyadı kanunu ve kanunun uygulanma süreci // Tarih İncelemleri Dergisi XXXI / 1. — 2016. — 129–166.

Д.А. Абдурасулов

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ВУЗА

FORMATION OF LIFE SKILLS AMONG STUDENTS OF AN INCLUSIVE UNIVERSITY

АБДУРАСУЛОВ Давран Абдурасулович — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГГЭУ (e-mail: davran43@mail.ru).

ABDURASULOV Davran Abdurasulovich — candidate of psychology, associate professor of pedagogy and psychology MGGEU (e-mail: davran43@mail.ru).

Аннотация. В статье представлен анализ формирования жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза. Раскрываются теоретические основы социально важных жизненных навыков и краткое содержание их компонентов. Показаны некоторые результаты исследования.

Ключевые слова: жизненные навыки, лица с ОВЗ, инклюзивное образование, ВОЗ.

Summary: The article presents an analysis of the formation of life skills among students of an inclusive university. The theoretical foundations of socially important life skills and a summary of their components are revealed. Some results of the study are shown.

Keywords: life skills, persons with disabilities, inclusive education, WHO.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием государства к модернизации высшего образования, в том числе и инклюзивного, в соответствии со стремительно растущим темпом цифровизации, переходом к шестому технологическому укладу. Современный рынок труда заставляет задумываться, какие трудовые ресурсы потребуются в будущем. В этой связи закономерно появление новых требований к профессиональным и социально важным жизненным навыкам рабочей силы. Работодатели особое внимание обращают на соискателей, обладающие гибкими навыками (*Soft Skills*), предпочитают получить кадры, способные «зажечь» и повести за собой коллектив, коммуникабельные, терпеливые, усидчивые, целеустремленные, умеющие видеть цель и настойчиво добиваться ее реализации, способные предложить что-то новое в развитии компании.

Выполнение этой задачи возможно при формировании социально важных жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза, которое рассматривается в данной статье.

При проведении исследования были применены следующие методы:

— теоретический анализ психологической литературы с целью уточнения понятия «жизненные навыки»;

- анализ материалов интернет-ресурсов, касающихся формирования жизненных навыков;
- материалы образовательной платформы онлайн-школы, связанные с проблемой формирования комплекса навыков, объединенных общим названием *Life skills*;
- анализ материалов по проблеме эмоциональной регуляции студентов инклюзивного вуза;
- общепсихологические и психодиагностические методы исследования.

Теоретической основой формирования жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза выступают исследования таких отечественных ученых, как Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Б.Ф. Ломов и другие. Прежде всего это системно-деятельностный подход, раскрывающий основные психологические закономерности развития личности. Согласно системно-деятельностной теории, механизмом профессионального обучения в вузе должна быть не передача информации по разным дисциплинам, а развитие профессионально и социально значимых качеств личности студента.

Помимо указанных выше исследований теоретической основой формирования жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза послужили труды В.И. Слободчикова, Е.И. Исаева, Б.С. Братусь, предлагающие целостный подход к человеку, смещение анализа с отдельных функций и свойств (внимание, память, мышление, произвольность и др.) на рассмотрение целостной ситуации развития личности в контексте ее связей и отношений с другими людьми.

Парадигма гуманистического, развивающего, личностно-ориентированного подхода (А. Маслоу, К. Роджерс, И.С. Якиманская, Н.Ю. Синягина) определяет новые требования к принципам и методам образовательного процесса. Определяется приоритетность потребностей, целей и ценностей развития личности с максимальным учетом индивидуальных, субъектных и личностных особенностей обучающихся.

Мы также опирались на известные работы психологов С.Л. Рубинштейна, Ф.Е. Василюка, К. Изарда, Г. Селье, Ю.Е. Кравцова, П.Экмана, Б. Хопсон, М. Скалли. Перечень жизненных навыков и умений, предложенный М. Скалли и Б. Хопсоном (Sally, Hopson, 1980), является необходимостью во имя развития личности — это навыки, которые нужны для выстраивания взаимоотношений с окружающими. Эффективное общение, забота о своей жизни и/или о жизни другого человека необходимы, чтобы действовать и расти. Авторы этих программ также считают, что эффективное обучение социально важным жизненным навыкам позволяет скорее предотвращать возможные риски и кризисы.

Решение задачи оптимизации качества жизни обуславливается необходимостью повышения адаптационных возможностей лиц с ОВЗ, что требует постоянной и комплексной работы со стороны специалистов разных профилей. Для того чтобы такая работа была эффективной, специалистам нужно иметь представление не только об особенностях, сложностях, болезнях, но и о социально важных жизненных навыках, которые помогают человеку справиться с различными жизненными обстоятельствами.

При формировании жизненных навыков залогом успешности, по нашему мнению, выступают методологические принципы, которые предложены международной комиссией по образованию для XXI века. Это такие принципы, как:

- учиться жить;
- учиться познавать;

- учиться работать;
- учиться сосуществовать [4, с.149].

Жизненные навыки — это сочетание знаний, отношений, ценностей и умений, поведения, которые в совокупности позволяют людям достигать поставленной цели. Определение используется Юнеско и ВОЗ и по содержанию полностью совпадает с понятием «навыки XXI века» (WHO, 1999; UNESCO, 2004).

В концепции ВОЗ жизненные навыки представлены тремя группами: *когнитивные* навыки — навыки анализа и использования информации; *личностные* навыки — навыки понимания и управления собственными эмоциями и чувствами; *межличностные* — навыки для общения с другими людьми.

Формирование жизненных навыков в условиях перехода человечества к шестому технологическому укладу становится не только основой для успешного освоения профессий в стенах вуза, но и важной составляющей психосоциальной компетенции.

Современному работодателю мало наличие диплома со степенью бакалавра или уровня магистра. Внедрение цифровых технологий требует наличия у специалиста гибких навыков коммуникационного выстраивания отношений в коллективе, динамичности, в том числе при принятии решений, поведенческих навыков в управлении своими эмоциями, клиентоориентированности, умения противостоять давлению окружающих, сказать «нет» в неблагоприятной для себя ситуации.

Поэтому овладение студентами профессиональными и социальными жизненными навыками в стенах вуза — необходимость, способствующая повышению универсальных компетенций и повышающая конкурентоспособность.

С переходом человечества к новому — шестому — технологическому укладу, характеризующемуся развитием цифровизации и робототехники, био- и нано-технологиями, искусственным интеллектом, глобальными информационными сетями, социально важной проблемой становится формирование гибких жизненных навыков. Перед высшим инклюзивным образованием возникают новые задачи — развитие мобильного мышления, эмоциональной устойчивости. Чем быстрее будущий специалист поймет и осознает смысл того, что учебный материал — это не просто совокупность знаний, но еще и концепция того, как эти знания получать и использовать, тем быстрее у него начнут формироваться определенные навыки.

Практика обучения в вузе показывает, что студенты не задумываются о различии между **информацией, знанием и практическими навыками**.

Информация — это сообщение или сведения, поступающие извне и воспринимаемые человеком.

Знание — это результат познания, в котором присутствует процесс активности человека.

Практика же — это превращение знаний в навыки и умения [1, с. 6–7].

О важности формирования жизненных навыков свидетельствуют и результаты исследования, проведенные нами по выявлению степени регуляции эмоциональной устойчивости студентов по «Экспресс-диагностике неуправляемой эмоциональной возбудимости» В.В. Бойко. Результаты полученных данных, отражены в диаграмме на рис. 1.

Как видно из диаграммы, 23,3% студентов инклюзивного вуза имеет высокий уровень импульсивности и неуправляемой эмоциональной возбудимости. Это означает, что в деловых и личных отношениях у них могут возникать про-

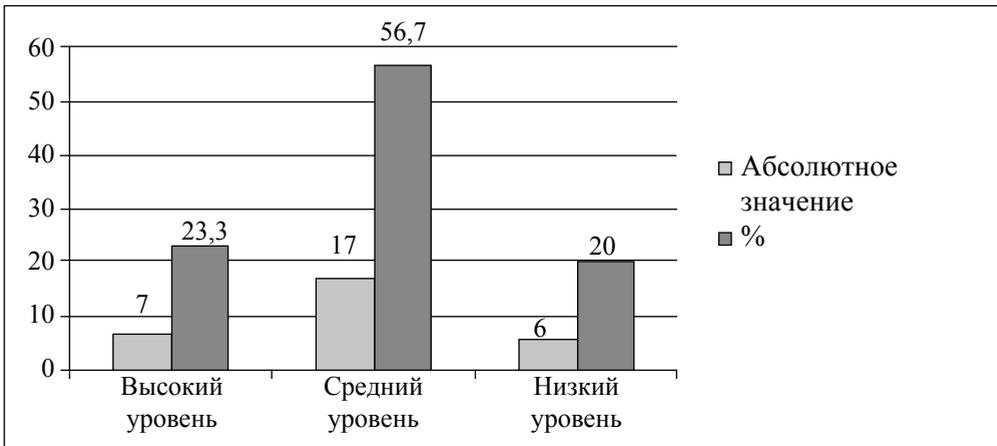

Рис. 1. Уровень импульсивности и эмоциональной возбудимости

блемы вследствие максимализма и отсутствия гибкости поведения, что характерно для молодого поколения, не обремененного опытом социальной адаптивности.

Чуть меньше — 20% — студентов, напротив, имеют низкую импульсивность. Для них характерны «закрытые» чувства и переживания. Они контролируют себя, миролюбивы, не склонны к конфликтам.

Основная масса студентов (56,7%) обладает импульсивностью, не препятствующей эмоциональным проявлениям средней статистической нормы.

В целом можно сделать вывод о юношеской непосредственности поведения, отсутствию склонности сдерживать свои эмоции, наличию импульсивного поведения. Молодым людям свойственно действовать быстро, недостаточно обдумывая свои действия.

Результаты по опроснику В.В. Бойко «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» отражены в диаграмме на рис. 2.

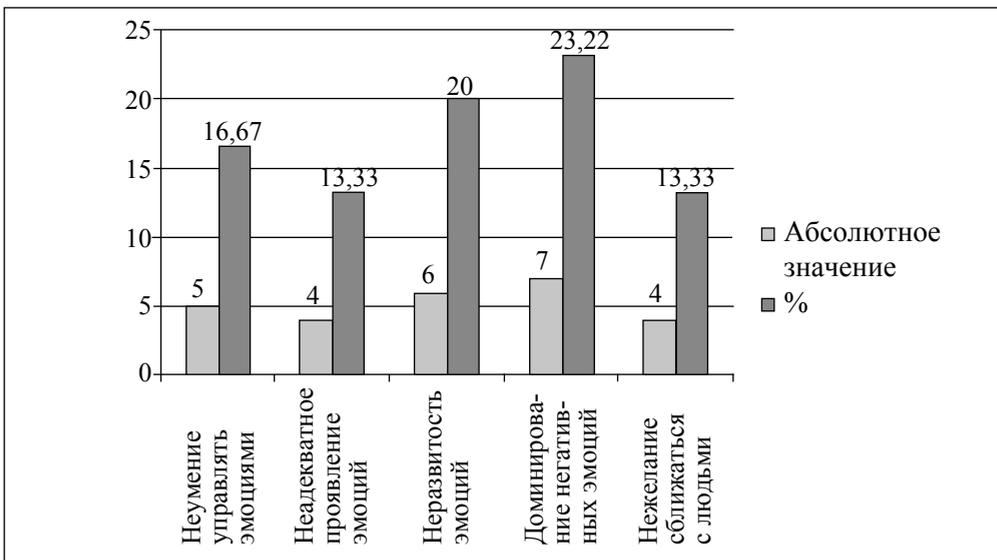

Рис. 2. Характер саморегуляции эмоциональных состояний в межличностном общении

Согласно полученным данным, у большинства студентов (23,22%) доминируют негативные эмоции. Чуть меньше — 20% — та группа студентов, которым присущи негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций. Неумение управлять эмоциями, дозировать их характеризует 16,67% студентов. Неадекватное проявление эмоций и отсутствие желания идти на контакт с окружающими демонстрируют 13,33% студентов.

Состояние человека, проявляющееся в эмоциональном выражении, несомненно, обусловлено его взаимоотношениями с окружающими. В этих взаимоотношениях он в какой-то мере может быть и пассивен, и активен. Заметим, что эмоция как переживание, имеющее индивидуальную особенность, всегда носит у человека личностный характер.

Рассмотрим индивидуальные показатели «Диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В.В. Бойко). Данные представлены в диаграмме на рис. 3.

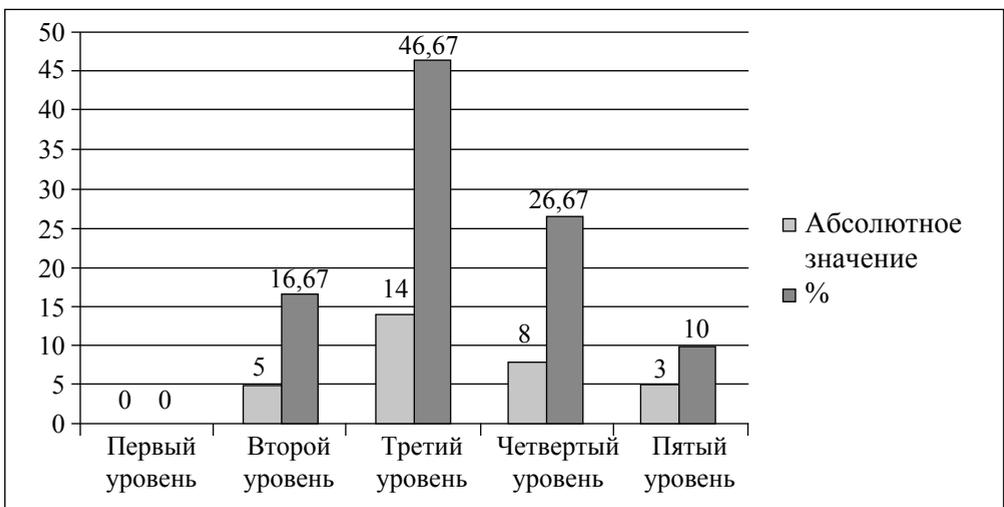

Рис. 3. Уровень эмоциональной эффективности в общении

Согласно данным рис. 3, почти у половины студентов имеются эмоциональные проблемы в повседневном общении (46,67%). Наполовину меньше (26,67%) студентов, у которых эмоции осложняют взаимодействие с партнерами. У 16,67% студентов эмоции обычно не мешают общаться с партнерами. У 10% студентов эмоции мешают устанавливать контакты с людьми.

Таким образом, результаты исследования показывают, что эмоциональное состояние студентов инклюзивного вуза имеет свои особенности, которые могут быть обусловлены спецификой психофизического и личностного развития, а также недостаточностью развития жизненных навыков. Приведенные данные говорят о потребности в межличностном общении, эмоциональном комфорте и стремлении к адаптации в новой социальной общности. Экспериментальные данные подтверждают необходимость формирования жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза.

Перейдем к вопросам подготовки компетентных кадров с гармоничным развитием социально важных жизненных навыков.

В своих работах Л.С. Выготский отмечает, что недалеко то время, когда педагогика будет стыдиться самого понятия «дефективный ребенок» как указания

на какой-то неустранимый недостаток его природы. «Социальное воспитание победит дефективность» [3, с. 72]. Л.С. Выготский, указывает, что не дефект будет решать судьбу личности, а его социальные последствия. Учитывая, что любая категория аномальных лиц чрезвычайно разнообразна по характеру дефекта и компенсаторным возможностям, необходимо дальнейшее совершенствование обучения, обеспечивая при этом во всем объеме индивидуальный подход, направленный на формирование социально важных жизненных навыков посредством включения обучающихся в различные виды социальных отношений.

Качество образования, как известно, определяется конечным результатом обучения, подготовкой компетентных кадров и гармоничным развитием личности. Новые задачи образования можно решить с применением интерактивных форм проведения занятий в виде тренингов, что обеспечивает благоприятные условия для каждого обучающегося быть услышанным, понятым, принятым, получить поддержку. Эти методы подробно изложены в учебно-методическом пособии «Коммуникативный практикум для студентов инклюзивного образования» [1].

Л.С. Рубинштейн определяет навыки как автоматизированные компоненты сознательного действия человека, которые вырабатываются в процессе его выполнения. И навыки образуются посредством упражнения. Осмысленные целесообразные упражнения — это обучение, т.е. не только закрепление, но и совершенствование [5, с. 28–32].

Перейдем к рассмотрению необходимых для формирования личности социальных жизненных навыков.

Основные социально важные жизненные навыки можно разбить на следующие группы:

- самоанализ;
- сочувствие;
- общение;
- межличностные отношения;
- принятие решения;
- решение проблем;
- творческое мышление;
- критическое мышление;
- умение справляться с эмоциями;
- умение справляться со стрессом.

Социально важные жизненные навыки — это способность личности к адаптивному и позитивному поведению, позволяющему эффективно справляться с требованиями, задачами и проблемами повседневной жизни. Эти навыки важны на протяжении всей жизни, и благодаря им человек выходит из неблагоприятных ситуаций, не нанеся вреда ни себе, ни окружающим его людям.

Эти навыки не только приводят к улучшению условий, в которых обучаются студенты, но и, бесспорно, влияют на психосоциальную компетентность молодых людей. Они важны на протяжении всей жизни и могут выражаться в различной форме. Овладение жизненными навыками позволит личности с ОВЗ успешно социализироваться в условиях стремительно меняющихся тенденций общества.

На практике жизненные навыки во многих случаях тесно взаимосвязаны. Однако часто трудно определить, как конкретно и в какой степени влияют на жизнь разные навыки. В то же время каждый конкретный социально важный жизненный навык имеет содержательные составляющие (компоненты).

Навыки самоанализа:

- выявление сильных сторон личности (например, для развития самоуважения и уверенности в себе);

- выявление личных слабостей и уязвимых мест (например, для реального представления о себе и реальных надежд);
- выяснение личных ценностей и убеждений;
- признание личного достоинства (например, прав);
- признание личной ответственности.

Навыки сочувствия:

- признание ценности точки зрения другой личности (например, для менее агрессивного межличностного поведения);
- признание того, что все люди имеют чувства;
- помощь и забота о других;
- понимание ценности различных убеждений (для развития терпимости и уважения).

Навыки общения:

- соответствующее словесное общение;
- соответствующее несловесное общение;
- умение выслушать;
- уверенность в себе (к примеру, развитие умения отказать другим);
- обсуждение.

Навыки принятия решения:

- оценка информации и советов для принятия обоснованного решения;
- оценка преимуществ и недостатков различных мнений;
- изменение решений для адаптации к новым ситуациям;
- постановка цели;
- планирование будущего.

Навыки решения проблем:

- выявление проблем, их причин и оценка последствий принятия различных решений (индивидуальных или групповых);
- обращение за помощью и советом к преподавателям, взрослым, заслуживающим доверия молодых людей, или к соответствующим службам (Служба доверия, Кризисный центр и др.);
- поиск и реализация решений проблем на основе компромисса (например, для решения конфликта).

Творческое мышление:

- позитивное мышление;
- поиск путей для самовыражения (кроме словесного общения);
- поиск нетрадиционных решений в стандартных ситуациях;
- поиск новых знаний (для самостоятельного изучения).

Навыки критического мышления:

- анализ социального и культурного влияния на отношения, ценности и поведение (например, влияние средств массовой коммуникации);
- анализ и оценка роли, прав и обязанностей (например, роли семьи, ответственного гражданина);
- оценка рисков.

Умение справляться с эмоциями:

- признание своих эмоций;
- соответствующее выражение эмоций;
- проведение связи между эмоциями и тем, как мы думаем и ведем себя;
- способность эффективно справляться с разочарованием, гневом, печалью, страхом, тревогой и другими эмоциями;

- самообладание.

Умение справляться со стрессом:

- способность определять источник стресса и «уходить» от него;
- способность справляться со стрессовыми ситуациями (тоской, критикой, отказом в помощи и сочувствии);
- способность оставаться спокойным в ситуации давления со стороны других;
- управление временем;
- способность определять позитивный стресс и использовать конструктивный подход к решению сложных задач.

Выводы: формирование жизненных навыков у студентов инклюзивного вуза способствует эффективному взаимодействию в условиях цифровизации и социализации. Отсутствие же социально важных жизненных навыков снижает потенциальные возможности личности и увеличивает факторы риска при возникновении проблем со здоровьем, поведением, во взаимоотношениях и профессиональной реализации.

Список литературы

1. *Абдурасулов Д.А.* Коммуникативный практикум для студентов инклюзивного образования: учебно-методическое пособие. — М.: МГГЭУ, 2020. — 110 с.
2. *Ананьев Б.Г.* К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. — Л., 1974. — 280 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии / под ред. Т.А. Власовой. — М.: Педагогика, 1983. — 368 с.
4. *Зыкова М.А.* Методика предметно-практического обучения в школе для глухих детей: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 176 с.
5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2 т. Т. II. — М.: Педагогика, 1989. — 328 с.

А.Н. Довнар

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОБЗОР ЗАСЕДАНИЯ КРУГЛОГО СТОЛА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE FEASIBILITY OF ESTABLISHING A RUSSIAN HUMAN RIGHTS COURT: OVERVIEW OF THE ROUNDTABLE MEETING AT THE PUBLIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

ДОВНАР Алексей Николаевич — студент 1 курса магистратуры факультета юриспруденции МГГЭУ (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

DOVNAR Alexey Nikolaevich — 1st year student of the Master's degree of the Faculty of Law, MGGEU (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

Аннотация. В последнее время Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) стал принимать решения, которые прямо или опосредованно противоречат Конституции Российской Федерации и сложившемуся в нашей стране публичному правопорядку (дело «Федотова и другие против России» и многие другие, ранее принятые решения).

С целью выявления возможности создания аналога ЕСПЧ — Российского суда по правам человека — было организовано обсуждение с участием специалистов в области конституционного и международного права, представителей всех ветвей власти, правозащитников и общественных деятелей.

В предлагаемом обзоре автор обобщает озвученные на круглом столе в Общественной палате России точки зрения, тем самым внося свой вклад в доктринальное развитие юридической науки.

Ключевые слова: российский суд по правам человека, права человека, судебная реформа, защита прав человека, решения ЕСПЧ, европейское право, Общественная палата РФ, конституционное регулирование, СПЧ при Президенте России.

Abstract. Recently, the European Court of Human Rights has begun to make decisions that directly or indirectly contradict the Constitution of the Russian Federation and the established public order in our country (the case «Fedotova and Others v. Russia» and many other previously adopted decisions).

In order to identify the possibility of creating an analogue of the ECHR — the Russian Court of Human Rights, a discussion was organized with the participation of experts in the field of constitutional and international law, representatives of all branches of government, human rights defenders and public figures.

In this review, the author summarizes the points of view voiced at the round table in the Public Chamber of Russia, thereby contributing to the doctrinal development of legal science.

Keywords: Russian Court of Human Rights, human rights, judicial reform, protection of human rights, ECtHR decisions, European law, Public Chamber of the Russian Federation, constitutional regulation, HRC under the President of Russia.

В марте 2021 года в Общественной палате Российской Федерации (далее — ОП РФ) прошло заседание круглого стола на тему «О целесообразности создания Российского суда по правам человека» [12], инициированное председателем Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — СПЧ) В.А. Фадеевым по итогам состоявшейся 10 декабря минувшего года, в Международный день прав человека, встречи главы государства В.В. Путина с членами СПЧ [11], на которой кратко был затронут данный вопрос, впоследствии отраженный в перечне поручений Президента Российской Федерации [13]. Модератором круглого стола выступила Секретарь ОП РФ, председатель совета (руководитель) ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор Л.Ю. Михеева.

Открывая заседание круглого стола, инициатор его проведения В.А. Фадеев сразу обозначил, что у него нет сколь-нибудь определенной позиции по предмету заявленного обсуждения, поскольку он не считает себя специалистом в сфере права, а потому хотел бы услышать сначала мнение профессионалов и лишь после понимания предмета обсуждения сформировать собственное представление о сложившейся ситуации. Вместе с тем, обозначая контур предстоящей дискуссии, выступающий отметил, что участникам совместно надлежит определить критерии эффективности правоохранительной системы в части надлежащего обеспечения прав человека, а также места предполагаемого Российского суда по правам человека в этой системе: «Если в процессе работы круглого стола выяснится, что такой суд может послужить механизмом правовой защиты, то нужно будет соответствующее предложение довести до главы государства, если же, напротив, будет очевидна нецелесообразность создания такого института, то придется констатировать это и ответить на поручение Президента России, заявив о нецелесообразности».

Далее выступила Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор Т.Н. Москалькова, которая отметила, что поиск путей укрепления гарантий прав человека и новых защитных механизмов заслуживает пристального внимания, поскольку продиктован увеличением количества обращений на имя Уполномоченного по правам человека или в СПЧ граждан, нуждающихся в реагировании и принятии соответствующих решений. Представляется очевидным, что при ответе на поставленный Президентом Российской Федерации вопрос о целесообразности создания Российского суда по правам человека надлежит предварительно собрать объективную информацию об: 1) эффективности функционирования судебной системы Российской Федерации и количестве жалоб граждан и организаций на судебную систему; 2) оценке организации деятельности судебной системы Российской Федерации со стороны независимых экспертов, в том числе международных органов; 3) зарубежном опыте построения системы защиты прав человека. На основе статистических сведений, имеющихся в ее распоряжении¹, Т.Н. Москалькова делает вывод, что сложившиеся механизмы самостоятельного функционирования судебной

¹ Здесь Т.Н. Москалькова озвучивает конкретные цифры мониторинга ситуации с количеством поступивших в аппарат Уполномоченного по правам человека обращений и, соответственно, принятых по каждому из них решений, в том числе с задействованием органов судебной власти различных уровней.

системы и ее взаимодействия с иными институтами защиты прав человека достаточно эффективны, при этом они не статичны, но постоянно развиваются, образуя более прогрессивные формы осуществления правосудия. К таким формам, по мнению Т.Н. Москальковой, можно отнести отделение апелляционных и кассационных судов [6], введение судебного штрафа [10], что позволило значительно снизить нагрузку на саму судебную систему и связанные с ней обращения граждан к Уполномоченному по правам человека. Вместе с тем важно понимать, что в России есть пространство для роста, которое объясняется, с одной стороны, наличием у Уполномоченного по правам человека в РФ возможностей взаимодействия с различными звеньями судебной системы, с другой — совокупностью проблем, которые мешают добиваться большего числа внесудебных устранений нарушений прав человека в нашей стране, а именно: а) резерв профессиональности аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ и незадействованность в этой работе уполномоченных по правам человека в субъектах РФ; б) неурегулированность процедур, в соответствии с которыми уполномоченные могли бы обладать процессуальным статусом при рассмотрении судами дел. Данные проблемы необходимо решать для повышения эффективности работы по защите прав человека и гражданина в России. Анализируя международный опыт, обнаруживаем, что в западных странах наиболее распространены две модели защиты прав человека — судебная и внесудебная. Первую, естественно, представляют суды, тогда как вторую реализует институт омбудсменов, который в разных странах называется по-разному. Единственная страна, где есть инстанция с наименованием «суд по правам человека», — Канада. По словам омбудсмена, это специализированный суд, напоминающий, скорее, институт судебных следователей, к компетенции которого относится возбуждение дел и принятие решений только в сфере трудовых правоотношений, как то: вынесение постановлений об уплате штрафов, удовлетворение исков о причинении морального вреда или издание приказа о восстановлении на работе. В других национальных системах преобладающим является укрепление внесудебных правозащитных механизмов. Так, в Армении Защитник прав человека имеет возможность влиять на назначение судей Верховного суда; в Иране Председатель Генеральной инспекции Исламской Республики обладает полномочиями по возбуждению уголовных дел; в Греции Защитник гражданина вправе отменять постановления об административных исках, если сочтет их недостаточно обоснованными. Как отметила докладчик, в случае положительного решения данного вопроса возникает необходимость пересмотра сложившейся системы судебной власти, что предполагает изменение Конституции РФ. Создание в «правозащитном лифте» дополнительной вышестоящей структуры в виде Российского суда по правам человека представляется малообоснованным ввиду следующих соображений:

- работа абсолютно всех судов прямо или опосредованно сосредоточена на защите прав человека;
- исходя из статистических данных об эффективности работы судов различных инстанций, имеющих ошибки в принятии ими решений и практике их устранения;
- наличие резерва негосударственного блока по защите прав в виде института омбудсменов.

В пользу высказанной точки зрения Уполномоченный по правам человека привела статистические данные Европейского суда по правам челове-

ка (9594 жалобы из 13 645 жалоб против России Европейский суд исключил из списка подлежащих рассмотрению), а также сослалась на высокую оценку российской системы судов, данной Венецианской комиссией. В заключении омбудсмен выразила надежду, что дополнительным эффективным механизмом в системе защиты прав человека в качестве наднационального института мог бы стать Суд по правам человека на площадке Содружества Независимых Государств (далее — СНГ).

Затем слово было предоставлено ведущему научному сотруднику сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, сопредседателю Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Заслуженному юристу Российской Федерации, кандидату юридических наук *В.Н. Плигину*, обратившему внимание аудитории на то, что сегодня в России комплексный институт прав человека, включающий не только имеющие приоритет политические права граждан, но и корпус социальных и иных прав, обеспечивается и охраняется системой правозащитных структур, на вершине которой находится Конституционный суд Российской Федерации, самостоятельно и независимо осуществляющий конституционное судопроизводство (помимо всего прочего) в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина [3]. Кроме того, в общий результат в области защиты прав человека вносит вклад Верховный суд Российской Федерации [5] и суды общей юрисдикции [4], которые осуществляют свои полномочия с опорой на Гражданский процессуальный кодекс РФ [8], Арбитражный процессуальный кодекс РФ [7], Кодекс административного судопроизводства [9]. Данные структуры в различных формулировках воспроизводят целеполагание реализации судебной власти, направленной на разрешение (определенной в зависимости от вида судопроизводства) категории дел в целях защиты нарушенных, оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации. Как подчеркнул выступающий, сегодня можно смело констатировать разветвленность, кадровую обеспеченность, урегулированность деятельности органов судебной власти, которые в своем взаимодействии весьма эффективны. Создание дополнительного звена в виде Российского суда по правам человека на современном этапе является проблематичным, оценивается как преждевременное (по аналогии с некогда возникавшей инициативой по учреждению ювенальных судов). Одновременно с этим при формулировании окончательного решения по предмету заявленного обсуждения *В.Н. Плигин*, соглашаясь с тем, что действенность институтов защиты прав человека должна повышаться, предложил подумать над путями их совершенствования и рассмотреть возможность расширения процессуальных прав внесудебных субъектов защиты прав человека, в частности омбудсмена.

Эстафету в выступлениях принял декан факультета права НИУ «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Российской правовой академии Минюста России, член ОП РФ, доктор юридических наук, профессор *В.А. Виноградов*, который высказал отличную от двух предыдущих точку зрения о целесообразности создания в вертикали судебной власти новой институции в виде Российского суда по правам человека. Как отметил выступающий, при обсуждении вероятности учреждения суда по правам человека в границах России надлежит определить его место в уже оформившейся судебной системе и одновременно подумать над выделением отдельных компетенций, на сегодняшний день пока весьма схожих, с одной

стороны, с Конституционным судом Российской Федерации, с другой — с Европейским судом по правам человека. Согласно позиции докладчика, при обсуждении заявленной темы и ее дальнейшем воплощении в жизнь правильным было бы учитывать содержащиеся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 35) [2] условия приемлемости жалобы, подаваемой в ЕСПЧ, которая будет принята к рассмотрению только при условии, что заявитель перед этим исчерпал все внутригосударственные средства защиты своих нарушенных прав и свобод. Если в основу национального суда по правам человека положить принцип исчерпаемости, то целесообразность его создания выглядит вполне обоснованной, подтверждением чему может служить практика Испании, где распространена процедура ампаро, также построенная по принципу исчерпаемости. Учитывая и практику ЕСПЧ, и практику испаноязычных государств, как полагает В.А. Виноградов, Российский суд по правам человека мог бы выступать своего рода «фильтром»¹ перед обращением в ЕСПЧ².

Свое несогласие с предложениями В.А. Виноградова выразил экс-судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации (1999–2012), заведующий кафедрой международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП), заведующий отделом научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) ИЗиСП, член СПЧ при Президенте РФ, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор *А.И. Ковлер*, отметив, что ЕСПЧ никогда не признавал в качестве обязательной для подданных Испании прохождения процедуры ампаро, поскольку она касается весьма ограниченного перечня конституционных прав и обязанностей, подчас не объемлющих всю совокупность правомочий, предоставляемых Европейской конвенцией. В дополнение к этому, подобно надзорной инстанции в российской правовой системе, процедура ампаро не признавалась и по сей день не признается ЕСПЧ эффективным средством правовой защиты, реализация которой в данном случае зависит от дискреционных полномочий судей, вольных принимать или же не принимать жалобу к рассмотрению, руководствуясь, в том числе и собственными соображениями, а потому в данном случае ссылки на зарубежный опыт являются не совсем корректными. Затем, продолжая выступление, А.И. Ковлер озвучил свои соображения по предмету заявленной к обсуждению темы. Так, по мнению выступающего, идея создания Российского суда по правам человека родилась из-за затяжной продолжительности рассмотрения жалоб в ЕСПЧ, многие из которых и вовсе

¹ Председатель СПЧ при Президенте Российской Федерации В.А. Фадеев, реагируя на выступление В.А. Виноградова, заявил, что термин «фильтр» является неудачным, и он не хотел бы, чтобы его употребление воспринималось СМИ как предлагаемая фильтрация дел перед тем, как российские граждане смогут реализовать свое право на судебную защиту, обратившись в надгосударственные органы, и в частности, ЕСПЧ.

² В порядке дискуссии, оппонировав В.А. Виноградову, Уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова не согласилась с его предложением перенять опыт Испании и по аналогии с процедурой ампаро создать на этой основе Российский суд по правам человека. Такое несогласие было выражено с учетом понимания и без того затруднительного и долгосрочного процесса по отстаиванию гражданами своих прав и свобод, к которому предлагается добавить еще одну стадию, что значительно ухудшит не только положение конкретного лица в процессе, но и в целом повредит эффективности осуществления правосудия.

признаются неприемлемыми и в дальнейшем не рассматриваются. Сюда же добавляются негативные последствия возможного выхода Российской Федерации из Совета Европы и вызванная таким поворотом необходимость замещения одного действенного института по защите прав человека другим. Но, как отметил докладчик, даже если эта красивая идея по созданию Российского суда по правам человека получит какое-то воплощение, то она повлечет за собой массу проблем, среди которых:

- Противоречие новеллы нормам действующей Конституции РФ, где содержится (статья 118) исчерпывающий перечень видов судопроизводства — непонятно, к какому из имеющихся видов придется отнести деятельность нового института. Даже в случае признания целесообразности создания Российского суда по правам человека требуется проведение референдума, чтобы наряду с главой 7 Конституции РФ подвергнуть изменению в том числе и неприкасаемые 1 и 2 главы Основного закона. Условием изменения последних является существование Конституционного собрания РФ, федеральный конституционный закон о котором до сих пор не принят.
- Остается открытым вопрос: на основе каких материальных и процессуальных норм будет функционировать предлагаемый к созданию суд¹: на основе уже существующих кодексов или же придется принимать отдельный кодифицированный акт на удивление всему миру.
- Неизбежность решения вопроса о взаимодействии (не взаимодействии) с ЕСПЧ, что при последнем варианте развития событий в виде игнорирования будет вставать в противоречие со статьями 17 и 46 Конституции РФ [1], оговаривающих действие норм международного права и возможность граждан прибегнуть к обращению в межгосударственные органы по защите прав человека (каким на данный момент является ЕСПЧ).
- Предлагаемое нововведение противоречит мировым трендам регионализации судебных органов по защите прав человека, тогда как мы стремимся к очевидной национализации.
- Обнаруживается непонимание практического воплощения заявленной инициативы, а именно: как вписать Российский суд по правам человека в структуру судебных органов? Будет ли он обособленным органом при Конституционном суде РФ или отдельной коллегией Верховного суда РФ, или разветвленной системой окружных судов в 7 округах, или вообще системой судов в субъектах Федерации?
- При создании Российского суда по правам человека неизбежно возникнет потребность выработки механизма надзора за исполнением решений такого суда, что представляется крайне затруднительным.
- Если в России появится специализированный суд по правам человека, то что останется от существующих судов, полностью сосредоточенных на судебной защите прав и свобод человека и гражданина — непонятно.

Докладчик выразил мнение, что считает на современном этапе развития России нецелесообразным создание отдельного «экзотического суда» по правам человека, вместо этого надлежит заняться усовершенствованием имеющихся

¹ Здесь А.И. Ковлер приводит опыт Великобритании, где в 1986 году был принят human rights act, инкорпорировавший Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод в национальную правовую систему Англии. Отвечая на вопрос о возможности перенятия английского опыта, докладчик пришел к выводу, что при нашей «нелюбви» к Европейской конвенции это маловероятно.

судебных и внесудебных механизмов эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе за счет расширения полномочий омбудсменов, раскрытия их потенциала. На международном уровне следует наладить взаимодействие Российской Федерации и ЕСПЧ, приняв во внимание разработанный и ожидающий вступления в силу 15 протокол к Конвенции о защите прав и основных свобод [14], где добавляется ссылка на принцип субсидиарности и на сферу усмотрения государств, что усиливает автономность национальных органов защиты прав человека по отношению к ЕСПЧ.

В рамках работы круглого стола в ОП РФ выступил инициатор создания Российского суда по правам человека, член СПЧ при Президенте РФ, член-корреспондент Международной академии общественных наук, член президиума Национального антикоррупционного комитета, профессор кафедры уголовного права и процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), старший советник юстиции, кандидат юридических наук *Е.Н. Мысловский*, обративший внимание аудитории на то, что озвученная им на встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с членами Совета по развитию гражданского общества идея — крик души, вызванный проблемностью национальной судебной системы, руководствующейся, в частности, корпоративной этикой, что негативно влияет на отправление правосудия. В качестве меры преодоления перегибов в деятельности национальных судов, нередко привлекающих людей к ответственности по надуманным основаниям, предлагается введение категории «внешний сторож», которую содержательно будет олицетворять Российский суд по правам человека, призванный исправить ошибки судов нижестоящих уровней.

По мнению заместителя председателя Высшего арбитражного суда в отставке, члена СПЧ при Президенте Российской Федерации, доцента кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, Заслуженного юриста Российской Федерации, кандидата юридических наук *Т.К. Андреевой*, если ответ на поставленный в поручении Президента Российской Федерации В.В. Путина вопрос [13] будет положительным, то прежде создания Российского суда по правам человека специалистам придется определить и закрепить его компетенцию. При обсуждении целесообразности данного института видятся серьезные угрозы эффективности защиты прав человека. Во-первых, возникает вопрос: как выделить из компетенции других судов то, что относится к правам человека? Ведь, по сути, все существующие сегодня суды так или иначе занимаются защитой прав, поэтому неизбежно придется для создаваемой структуры «забрать» часть полномочий других; во-вторых, Российский суд по правам человека должен будет, приняв часть полномочий ЕСПЧ и Конституционного суда Российской Федерации, находиться вне институциональной вертикали судов, а поскольку наша страна и без того отличается большим обилием судебных инстанций, создание дополнительного звена в судебной системе лишь «удлинит дорожку» на пути к восстановлению нарушенных прав; в-третьих, всем понятно, что ЕСПЧ создан на основе международного договора — Конвенции [2], тогда как на чем будет основываться деятельность планируемого к созданию суда — неясно. Вероятные дополнения Конституции новыми нормами чреваты негативными последствиями ввиду специфичности порядка конституционного реформирования и фактически провоцируют (внесением изменений в 1 и 2 главы Основного Закона [1]) принятие новой Конституции Российской Федерации. По мнению докладчика, предлагаемый к созданию Российский суд по правам

человека своим появлением, с одной стороны, нарушит устоявшуюся систему разделения полномочий между национальными судами, с другой — нивелирует международные стандарты защиты прав человека. Т.К. Андреева в своем выступлении задается вопросом: если мы учредим Российский суд по правам человека как национальный, какое место он займет среди существующих судов? Можно пойти по пути отнесения его к специализированным судам (по примеру Суда по интеллектуальным правам), тогда такой суд в качестве первой инстанции будет заниматься тем, чем сегодня занимаются суды общей юрисдикции и арбитражные суды (устанавливать факты и обстоятельства), и его решения можно будет пересматривать или вовсе отменять. По другому варианту (из выступления В.А. Виноградова) Российский суд по правам человека призван стать инстанцией перед обращением в ЕСПЧ, в таком случае произойдет его «возвышение» над Конституционным и Верховным судами, дающее право отмены решений высших судебных инстанций, что представляется крайне неблагоприятным. Наконец, если создать Российский суд по правам человека как наднациональный в рамках СНГ, придется заручиться поддержкой всех членов этой международной организации. Здесь же неизбежно возникнет дефектность, в силу которой распространение юрисдикции суда на ограниченную территорию, обусловленную регионализацией, повлечет отсутствие равенства судебной защиты: одни смогут обратиться в Российский суд по правам человека и получить в нем защиту, другие нет. Подводя итог, Т.К. Андреева дала отрицательную оценку идее создания Российского суда по правам человека.

Наряду с остальными членами СПЧ при Президенте Российской Федерации свое мнение по существу заявленного обсуждения выразила федеральный судья в почетной отставке, член Общественной палаты Вологодской области, член Общественного совета при Управлении делами Президента России, сопредседатель Национальной родительской ассоциации социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей *Г.А. Осокина*. Несмотря на большое количество отрицательных отзывов по инициативе создания Российского суда по правам человека, она высказалась в пользу его учреждения, поскольку именно такой суд сможет исправить те серьезные нарушения прав человека, которые имеют место и в самой судебной системе (рассматривание уголовных дел не в строго определенных сроки, а годами; возможность для судей неоднократно уйти в отпуск при незавершенности судебного следствия), и в иных, внесудебных институтах по защите прав человека, в частности, при функционировании Федеральной службы судебных приставов (ФССП). Как считает *Г.А. Осокина*, необходимо создать рабочую группу, в рамках работы которой проанализировать прозвучавшие мнения, понять соотношение позиций «за» и «против» и только потом дать Президенту Российской Федерации заключение о целесообразности данной инициативы.

Как считает член Совета ОП РФ, председатель Комиссии ОП РФ по безопасности и взаимодействию с ОНК, председатель Координационного совета общественных наблюдательных комиссий субъектов РФ, заведующий юридической клиникой института права и управления Тульского государственного университета *А.В. Воронцов*, необходимо не создавать новые структуры в системе защиты прав человека, а совершенствовать имеющиеся механизмы, прежде всего за счет модернизации судебного и внесудебного институтов: 1) расширить функциональные возможности региональных уполномоченных по защите прав человека; 2) определить наиболее проблемные направления, проанализировав

дела, направляемые в ЕСПЧ против Российской Федерации, — это позволит увидеть, что большая их часть поступает от участников уголовного процесса (так, лица, содержащиеся под стражей, не всегда жалуются на незаконность осуждения, иногда они жалуются на условия содержания); 3) усилить позиции сторон уголовного процесса: да, состязательность сторон прописана и должна соблюдаться, вместе с тем не следует забывать о потерпевших, обеспечивая им правовые гарантии. Подводя итог, докладчик отметил, что сегодня все проблемы в системе защиты прав человека можно решить в рамках законодательного регулирования, не причиняя вреда эффективности защиты прав человека созданием дополнительных институтов в стране и нивелированием национальной правозащитной системы.

Позицию члена СПЧ при Президенте Российской Федерации Е.Н. Мысловского по созданию Российского суда по правам человека в полной мере разделяет председатель межрегиональной общественной благотворительной организации «Комитет за гражданские права», член СПЧ при Президенте Российской Федерации, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, член Президиума Национального гражданского комитета по взаимодействию с правоохранительными органами, член Общественного совета при министре юстиции Российской Федерации по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы *А.В. Бабушкин*. Его опыт посещения в разное время колоний и СИЗО свидетельствует о следующих негативных явлениях: в них содержатся по меньшей мере 10% жертв судебных ошибок. В дополнение к приведенным данным выступающий сообщает о наличии у него коллекции дел, по которым исправительное учреждение, направляющее в суд представление к освобождению по болезни, получает отказ, далее такой человек умирает, и никто не несет за это ответственность; имеются сведения о практике выселения людей из единственного жилья по решению суда. Такая практика противоречит идее защиты прав человека. По мнению правозащитника, упоминаемый в некоторых докладах Конституционный суд Российской Федерации не может быть институтом эффективной защиты прав человека, так как в его компетенцию входит рассмотрение крайне скудного перечня вопросов, сфокусированных на проверке соответствия норм федерального и регионального законодательства и иных нормативных актов положениям Конституции Российской Федерации [1]. Что же касается ЕСПЧ, то и этот наднациональный судебный орган нельзя рассматривать как полностью отвечающий чаяниям граждан, поскольку права, дарованные Конституцией РФ, шире прав, закрепленных в Европейской конвенции, что в некоторых случаях не позволит лицам, участвующим в конкретном деле в качестве потерпевших и считающих, что их права нарушены, обратиться за их восстановлением в ЕСПЧ. Несмотря на поддержку позиции своего коллеги по СПЧ при Президенте Российской Федерации, докладчик отмечает, что в силу наличия серьезных правовых, организационных, этических и психологических препятствий и неразрешенных противоречий в фокусе рассматриваемого вопроса создание Российского суда по правам человека сегодня не представляется возможным. В качестве альтернативы предлагаются следующие шаги:

1. Предоставить уполномоченным по правам человека право давать заключение о том, что имел место факт нарушения прав человека, и рассматривать это нарушение для вынесенного судебного решения как новое обстоятельство, дол́жное повлечь привлечение повторного внимания всего

- механизма по защите прав человека (суда, прокуратуры, следственных органов).
2. Предоставить уполномоченным право давать приказ (по аналогии с судебным приказом) в условиях экстренной и не терпящей отлагательств ситуации, влекущей нарушение прав человека (к примеру, при помещении в камеру 3х3 м² людей в количестве 10 человек), об устранении допущенного нарушения.
 3. Ускорить процесс принятия закона о создании национального превентивного механизма по модели «Уполномоченный +».
 4. Инкорпорировать федерального уполномоченного и региональных уполномоченных по правам человека в перечень участников всех видов существующих сегодня процессов (уголовного, гражданского, административного и иных).

«Состоявшееся обсуждение глобальной проблемы — огромный запрос общества на справедливое, доступное, ответственное и открытое правосудие», — такого мнения придерживается член Общественной палаты РФ, заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив, президент Волгоградской коллегии адвокатов «Казаченок и партнеры», профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент С.Ю. Казачонок, которая с сожалением отмечает, что закрепленный принцип публичности правосудия сегодня поправ: если раньше можно было записаться и попасть на прием не только к руководству областных или арбитражных судов, но и, не будучи участником процесса, присутствовать при рассмотрении дел, то ныне это сделать либо крайне проблематично, либо совсем невозможно. Имеются серьезные недостатки в деятельности прокурорского корпуса: если раньше прокурор знал материалы дела и на основе этого знания поддерживал обвинительное заключение, то современные прокуроры, за редким исключением, «на автомате» поддерживают обвинительное заключение следственных органов. Немало вопросов вызывает и деятельность судей. «Старая гвардия» судейского сообщества, как правило, знает процесс, следует букве закона, но массовым стало, например, такое явление: при активизации усилий адвоката, добивающегося оправдательного приговора, запускается механизм по возбуждению против него уголовного дела с вытекающими отсюда последствиями по предвзятому анализу доказательств, служащих основанием для оправдательного приговора. Имеется и множество других недостатков и перегибов. Вследствие проблем в эффективности обеспечения прав человека С.Ю. Казачонок высказала однозначное несогласие с позицией Е.Н. Мысловского, считающего, что оправдательных приговоров не должно быть (ибо они свидетельствуют о плохом результате работы следствия). По ее мнению, количество оправдательных приговоров отражает реальность правосудия — сегодня их единицы (в советское время было больше). К проблеме малочисленности оправдательных приговоров присоединяется порочная практика многолетнего затягивания следствия и последующей передачи дела в суд, когда следственные органы после предъявления лицу обвинения долгое время не проводят следственных действий, но обращаются в суд с ходатайством о продлении времени содержания обвиняемого под стражей, и суды вместо «автоматического отказа» (который в таком случае должен незамедлительно выноситься) удовлетворяют

ходатайства следствия, что нарушает права лиц, содержащихся под стражей. Подводя итог и отмечая, что назревшие проблемы и порождаемые ими недостатки в обеспечении прав человека носят комплексный характер, а потому нуждаются в комплексном анализе и реформировании, учитывая маломобильность судебной системы, сложившейся и функционирующей зачастую отнюдь не в интересах человека, С.Ю. Казачонок выступает за создание национального суда по правам человека, но не как части вертикали судебной системы, а как самостоятельного института.

Как считает член ОП РФ, первый заместитель председателя Комиссии по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив, председатель Российского союза налогоплательщиков, председатель коллегии адвокатов «Кирьянов и партнеры» *А.Ю. Кирьянов*, сегодня неэффективность обеспечения прав и свобод человека и гражданина наряду с обозначенными в других докладах проблемами объясняется еще и слабой институционализацией структурных элементов внутри системы общественного контроля в лице Уполномоченного по правам человека в РФ, членов Общественной палаты РФ, членов Общественной наблюдательной комиссии (ОНК), которым при взаимодействии с органами судебной власти не удается наладить конструктивный диалог. Со стороны судов первой инстанции зачастую следуют заявления о недопустимости оказания давления, а между тем, как отметил выступающий, наряду с негосударственным сектором защиты прав человека должны активно применяться и судебные механизмы. И в этом смысле нам сегодня не стоит опасаться дублирования полномочий ЕСПЧ, которые может перенять планируемый к созданию Российский суд по правам человека, поскольку в России с защитой прав человека отнюдь не все так радужно, как хотелось бы, поэтому лучше удвоить функционал и компетенции. В пользу создания национального суда говорит и позиция многих сограждан, которые, по мнению *А.Ю. Кирьянова*, считают себя патриотами и не хотят отстаивать свои права на площадке ЕСПЧ, предпочитая ей внутригосударственную, пусть и несовершенную систему, появление в которой нового судебного образования не «удлинит дорожку» на пути к правосудию, как предостерегли многие докладчики, а, напротив, создаст дополнительные возможности для желающих получить защиту своих прав в российских судах. Однозначно выступающий за создание Российского суда по правам человека, *А.Ю. Кирьянов* подытожил, что на основе общественного обсуждения и после анализа всех позиций «за» и «против» при участии компетентных и заинтересованных лиц возможно будет прийти к консенсусу и принять окончательное решение перед его представлением Президенту РФ.

Судья Верховного суда Российской Федерации, член Президиума Верховного суда Российской Федерации, секретарь Пленума Верховного суда Российской Федерации, ученый секретарь Научно-консультативного совета при Верховном суде Российской Федерации, председатель Совета судей Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор *В.В. Момотов* в своем выступлении отметил, что без четкого понимания целей, задач и процедуры функционирования Российского суда по правам человека говорить о создании нового института в судебной системе России не стоит. Прежде всего важно осознать и признать аксиому, в силу которой, в соответствии с действующей Конституцией [1], суды, начиная от мирового судьи и заканчивая высшими судебными инстанциями — Верховным судом и Конституционным судом — при осуществлении ими своих конституционных полномочий так или иначе, в большей или меньшей

степени, но напрямую затрагивают права и свободы человека и гражданина, а потому они, если рассматривать данную аксиому в широком смысле слова, и олицетворяют суд по правам человека. Выступающий обратил внимание аудитории, что обсуждаемая в ОП РФ идея создания Российского суда по правам человека отнюдь не нова. Еще в 2012 году в России поднимался аналогичный вопрос. В Европе в 2014–2015 годах в Комитете по правам человека инициатива по созданию национальных судов по правам человека не нашла требуемой поддержки, после чего международный орган рапортовал: вынесенные на обсуждение предложения не могут быть приняты, поскольку наблюдается вероятность возникновения множества процедурных проблем, значительных затрат на реализацию, а также рисков нарушения единообразия судебной практики, которая, к примеру, для Верховного суда РФ является одним из приоритетов и показателей эффективности отправления правосудия. Завершая свое выступление, В.В. Момотов призвал не отделять судейское сообщество от гражданского общества, ибо судьи работали и будут продолжать работать в интересах личности, общества и государства.

В завершение работы круглого стола выступила Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова, которая констатировала, что состоявшаяся дискуссия имела чрезвычайно важное значение, поскольку в ее рамках были подняты злободневные проблемы, с которыми в ежедневном формате сталкиваются правоприменители, адресующие к представителям различных органов государственной власти свои конструктивные предложения по поступательному, но вместе с тем и коренному улучшению механизмов защиты прав человека.

Заключительное слово было предоставлено председателю СПЧ при Президенте РФ В.А. Фадееву, который констатировал, что смысл поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина и поставленный в данном поручении [13] вопрос о целесообразности создания Российского суда по правам человека куда шире по смысловой нагрузке, чем может показаться на первый взгляд. Со стороны Министерства юстиции и Верховного суда будет, возможно, однозначно отрицательное заключение по обсуждаемой инициативе, т.е. о нецелесообразности создания национального суда по правам человека. Однако стоит принять во внимание, что глава государства озабочен уровнем гарантий соблюдения прав человека, а потому, даже если Российский суд по правам человека не будет создан, нужно дать на основе предложений, озвученных в рамках обсуждения заявленной тематики, состоятельный ответ Президенту РФ, что его поручение выполнено и в итоге гарантировать соблюдение и обеспечение прав человека в нашей стране.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 04.07.2020. №144.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: подписана государствами – членами Совета Европы в Риме 04.11.1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 08.01.2001. — № 2, ст. 163.

3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 25.07.1994. — № 13, ст. 1447.

4. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14.02.2011. — № 7, ст. 898.

5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10.02.2014. — № 6, ст. 550.

6. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 30.07.2018. — № 31, ст. 4811.

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.07.2002. — № 30, ст. 3012.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 18.11.2002. — № 46, ст. 4532.

9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации, 09.03.2015, № 10, ст. 1391

10. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 04.07.2016. — № 27 (часть II), ст. 4256.

11. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения: 23.03.2021).

12. Круглый стол «О целесообразности создания российского суда по правам человека» // Официальный канал Общественной палаты Российской Федерации. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ebX7SOD58W8&t=1205s> (дата обращения: 23.03.2021).

13. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (дата обращения: 23.03.2021).

14. Протокол № 15 о внесении изменений в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/555744911> (дата обращения: 08.04.2021).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 – философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

3(47) 2021

Ответственный за выпуск: С.А. Бобко
Технический редактор: К.А. Антонов
Компьютерная верстка: К.А. Антонов

Подписано в печать 06.09.2021. Формат 70×108 ¹/₁₆.

Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.

Печ. лист 5. Тираж 500 экз. Заказ № 18\1.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)

107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.

Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии СтР.